Цветок в его руках

Автор:
Джоанна Линдсей

Цветок в его руках

Джоанна Линдсей

Королева любовного романа

Кровавая распря между двумя семьями наконец закончена, и лихой наемный стрелок Диган Грант вновь отправляется в дорогу, без смысла и цели, ведь в конце пути его никто не ждет. И почему бы не выследить опасного преступника по имени Макс Доусон, за голову которого объявлена награда?

Однако поймав преступника, Диган узнает, что Макс Доусон – это Максин, прелестная девушка. Она утверждает, что ни в чем не виновна, что ее подставили могущественные враги, желающие ее смерти. И хотя разум советует Дигану не доверять Максин, сердце, охваченное жгучей страстью, твердит совсем иное…

Джоанна Линдсей

Цветок в его руках

© Johanna Lindsey, 2015

© Перевод. Т.А. Перцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

– Я думал, мистер Грант, вы покинули территорию.

Диган с высоты разглядывал улыбавшегося ему шерифа Росса, подаваясь вперед, чтобы успокоить коня, прежде чем тот встанет на дыбы. Паломино[1 - Паломино – масть лошадей золотисто-рыжего окраса со светлыми гривами и хвостами. – Здесь и далее примеч. ред.] не любит, когда незнакомые люди подходят слишком близко. Как ни странно, выстрелов он не пугался. Чужаки – дело другое.

– Уезжаю сегодня. Просто хотел убедиться, что в церкви стрелять не будут.

– Об этом беспокоиться не стоит. Распри закончились еще на прошлой неделе, как только влюбленная парочка согласилась отныне идти в одной упряжке. Так вы придете на свадьбу?

Диган оглядел стоящую в конце улицы церковь.

Сегодня породнятся две семьи: Каллаханы и Уоррены. Они уже собрались в церкви. Жители городка туда только направились, желая стать свидетелями счастливого события, но при этом старались держаться подальше от Дигана, сидевшего на коне прямо посреди улицы. Как бы ему ни хотелось присутствовать на праздничном событии, Диган знал, какой эффект произведет его присутствие. И он уже попрощался, с кем хотел.

Потому он спокойно покачал головой:

– Не стоит никого расстраивать в такой день.

– Думаю, народ Нэшарта к этому времени вас достаточно хорошо узнал, – хмыкнул шериф.

– В том-то и беда. Они меня знают.

Диган слегка покраснел. Росс вел себя дружелюбно, и это было странно. Обычно шерифы держались с Диганом довольно холодно, а когда узнавали, кто он, просили поскорее убраться из города. Но Росс этого не сделал, вероятно, из уважения к Закери Каллахану, который нанял Дигана, чтобы тот следил за порядком до свадьбы. Конечно, никто не был до конца уверен, что свадьба состоится. Невеста из семьи Уоррен росла на Востоке, в богатстве и роскоши – и должна была выйти замуж за Хантера Каллахана, ковбоя, уроженца Нэшарта, штат Монтана, которого в глаза не видела.

Тиффани понравилась Дигану с первого взгляда. Она напоминала о доме – доме, в который он никогда не вернется. Но она не была из домовитых хозяюшек. Ей плохо удавалось не казаться чинной и чопорной. Истинная Тиффани, элегантная и утонченная, постоянно выглядывала из-под маски простушки. Он невольно усомнился в своей интуиции, когда она приручила поросенка и объявила своим домашним любимцем. Это сбило его с толку, зато восхитило Хантера. Неудивительно, что Хантер по уши влюбился в будущую жену, даже не узнав, какая она на самом деле.

Дигана наняли предотвратить кровопролитие между двумя враждующими семьями. Выбор оказался удачным, работа была сделана. Пора двигаться дальше. Но у шерифа сделалось то же выражение лица, что и несколько дней назад: тогда у него хватило наглости попросить Дигана временно занять его должность, пока он съездит на Восток, чтобы найти жену. Похоже, свадьбы имеют подобное воздействие на всех городских холостяков и заставляют желающих жениться мужчин еще более рьяно искать невест. На Западе очень трудно найти незамужнюю женщину…

Тогда Диган отказался от предложения шерифа и сейчас помешал его повторить, заметив:

– Если бы я когда-нибудь и согласился стать шерифом, то исключительно в том месте, где меня не знают.

– Но ваше имя способно отвести все беды, – настаивал Росс.

– Скорее, наоборот, принесет беду. Вы знаете это не хуже меня, шериф. До тех пор, пока не вымрут бандиты и умелые стрелки, всегда будут смельчаки, желающие доказать, что стреляют быстрее меня. А теперь идите в церковь или пропустите церемонию. Я только дождусь, когда новобрачные покинут церковь, а потом уеду.

– Что ж, могу сказать, Диган Грант, что если захотите вернуться, здесь для вас всегда будет дом. И моя должность, если пожелаете.

Диган едва заметно улыбнулся, когда шериф ушел. Он никогда не собирался задерживаться в каком-либо месте, пока не оказался в Нэшарте. Конечно, он и не оставался нигде так долго, как здесь. И уж точно не привык к тому, что его принимают так, будто он член семьи, так, как принимали Каллаханы. Они даже выделили ему место за обеденным столом и спальню в своем доме. Обычно наниматели старались, чтобы он держался от их семей как можно дальше. И конечно, никогда не сближались с ним. Он на мгновение задумался о предложении шерифа, потому что здешние люди действительно ему нравились, и будет жаль расставаться с ними. Но сказанное им Россу было правдой. Теперь, когда проблема с рудниками Нэшарта разрешилась и две враждующих семьи породнились через брак детей, Нэшарт снова станет мирным городом, возможно, навсегда. Но если он останется, спокойствию скоро придет конец.

Многие люди считают, что под словом «миротворец» подразумевается всего-навсего человек, умеющий выхватить пистолет быстрее любого противника. А выхваченный пистолет был весомым аргументом, способным сохранить мир между воюющими сторонами, даже если из него не выпущено ни единой пули. Именно эту роль выполнял Диган в Нэшарте. Миротворца. Ему не пришлось никого убивать, и он выхватил пистолет только однажды, чтобы вразумить Роя Уоррена, и это было еще до того, как Диган узнал, что Рой – один из братьев Тиффани.

Открытое ландо[2 - Ландо – легкая четырехместная повозка со складывающейся вперед и назад крышей.] медленно ехало по улице в сопровождении трех всадников. Диган приехал в город с Каллаханами и полагал, что Уоррены уже в церкви, но, как оказалось, ошибся. В экипаже сидела невеста с родителями. Отец ее правил лошадьми. Братья держались чуть поодаль, чтобы поднятая копытами пыль не садилась на них. Завидев Дигана, Фрэнк Уоррен натянул поводья, а Тиффани встала и приветствовала Дигана грациозным реверансом.

– Опаздываете на свадьбу, – заметил он.

– Невестам позволено опаздывать, – усмехнулась Тиффани, – хотя, клянусь, я не пугаю Хантера, что передумала выходить замуж. Просто хотела выглядеть как можно лучше… для него, а это отняло немного больше времени, чем предполагалось.

– И вам это удалось. Хантер – настоящий счастливчик.

В этот момент Диган действительно завидовал другу. Тиффани была очень красива, а сегодня выглядела ослепительно в привезенном с Востока модном подвенечном наряде и тончайшей кружевной вуали.

– Уверены, что не хотите присоединиться к нам?

Вчера он прискакал на ранчо Уорренов, чтобы попрощаться и сказать Тиффани, что не будет присутствовать на брачной церемонии.

– Я хочу дождаться вашего выхода из церкви после венчания, а потом отправлюсь в Калифорнию.

– Хантер сказал, что его отец пытался снова нанять вас, присмотреть за его сыном Морганом, пока будете в округе Батте, но вы туда не едете?

– Слишком много народа знает меня в Батте. Я поеду северным маршрутом, который проходит через Хелену. Но Закери просил запугать мальчишку и добиться, чтобы тот вернулся домой, а это бесполезно, если у Моргана до сих пор не прошла золотая лихорадка…

– Что же. Не могу сказать, будто не рада, что ваша работа здесь закончена, – широко улыбнулась Тиффани. – Вы сделали все, чтобы никого не убили, пока мы с Хантером пытались понять, предназначены ли друг для друга, и за это вам мое сердечное спасибо.

– И мое, – согласился Фрэнк Уоррен.

– В самом деле, – добавила его жена Роуз. – Мои мальчики признались, что боялись…

– Ма! – перебил сконфуженный Рой Уоррен.

– Ну, спокойствие на всех фронтах было настоящим благословением божьим, – докончила Роуз.

Фрэнк откашлялся:

– Дорогая, не думаю, что мистер Грант хочет быть приравненным к благословению божьему.

– Вздор! – фыркнула Роуз. – Он знает, о чем я.

– Нам пора, – сказал Фрэнк, показывая на церковь.

Диган окинул взглядом улицу и увидел перед церковью Закери Каллахана. Тот обеспокоенно осматривался и делал знаки Фрэнку поспешить.

– Полагаю, я действительно заставила Хантера волноваться, – рассмеялась Тиффани, – а может, не его, а будущего свекра? Безопасного вам путешествия, Диган.

Она снова села. Фрэнк подстегнул лошадей. Все трое братьев Уоррен кивнули, проезжая мимо. А Тиффани неожиданно окликнула его:

– Если когда-нибудь найдете свое счастье, привозите к нам жену, познакомиться и подружиться!

Диган едва не рассмеялся. Почему все женщины считают, будто только женщина сможет сделать мужчину счастливым? Сам он знал, что никогда не поймет, правда ли это, потому что женщины его боялись. Даже Тиффани. И не знал, как изменить это, не повредив своей репутации, потому даже не пытался.

– Эй, мистер, не можете решить, куда ехать?

Диган обернулся и увидел мужчину, ведущего лошадь в поводу. Незнакомец уверенно шел через центр города. Желтый клеенчатый дождевик с откинутой полой открывал пистолет на бедре: верная примета того, что он ищет неприятностей на свою голову. Когда мужчина подошел ближе, Диган увидел, что он молод, худощав, а кожа на лице настолько гладкая, что его можно было легко принять за девушку.

Диган не собирался отвечать на ехидный вопрос. Он вполне мог уехать сейчас и пропустить выход молодых из церкви. Но он знал, что мальчишки его пошиба не любят, когда их игнорируют.

– Сколько тебе лет, малыш?

– Семнадцать. Впрочем, это не ваше дело, так что не называйте меня малышом! Меня зовут…

– Это мне неинтересно.

Юнец расстроенно понурился.

– А в этом городе все такие злобные, как вы?

Злобные?

Диган поднял черную бровь. Его обзывали по-всякому, но злобным?.. И парень остановил свою чалую лошадь в нескольких футах от коня Дигана. Очевидно, ему было, что сказать, а вокруг кроме Дигана ни души: главная улица совсем опустела, весь город собрался в церкви. Только владельцы лавок все еще стояли за прилавками, по крайней мере половина торчала за витринами. Чужаку совершенно невозможно проехать через город незамеченным.

Диган сказал себе, что не будет подозревать каждого, кто приближается к нему, в том, что это вооруженный бандит. На Западе полно дружелюбных людей и существуют десятки причин, по которым мужчины носят оружие. Не все уезжают из дома, чтобы сделать себе имя, бросая вызов каждому стрелку, хорошо владеющему оружием!

Поэтому он немного смягчился:

– Тебе нужна помощь?

– Да, слышал от золотоискателей в Батте, что здесь жил Диган Грант.

– Он всего лишь ненадолго задержался.

– Так я его упустил?

– Это зависит от того, зачем он тебе понадобился.

– Что?!

– Если хочешь помериться с ним силой, это твой удачный день. Если хочешь нанять его, опять же, это твой удачный день. Если у тебя какие-то иные причины, возможно, это твой неудачный день. Итак?

– Значит, вы знаете, где его найти?

– Ты уже его нашел.

Парень улыбнулся так широко, что Дигану на миг показалось, что интуиция его на этот раз подвела. Оказалось, что нет.

– Ровно в полдень, завтра, прямо здесь, – объявил юнец с самоуверенной улыбкой.

Никаких пояснений не требовалось. Полдень – именно то время, когда происходили все перестрелки между вооруженными мужчинами: в этот час ни один из противников не попадет в невыгодное положение и не будет ослеплен беспощадным солнечным светом.

Прежде чем ответить, Диган поднял глаза к небу, определяя положение светила:

– Сейчас почти полдень. Так что, если собираемся сделать это, сделаем сегодня. Пойди, привяжи свою лошадь, если не хочешь, чтобы она словила шальную пулю.

Сам он отвел своего паломино к ближайшей коновязи, спешился и забросил на нее поводья. Юнец последовал за ним и сделал то же самое, не ожидая, что, когда Диган обогнет лошадей, в его руке уже будет пистолет.

Он злобно уставился на Дигана и медленно убрал руку с оружия.

– Так ты заработал репутацию? Обманом и хитростью? – прошипел он.

– Убивая мужчин. Не мальчиков. И это не обман, а попытка спасти твою жизнь, – пояснил Диган и, отобрав у него пистолет, вынул обойму и высыпал патроны на землю, после чего вернул оружие владельцу.

– Полагаю, ты еще не все понял. Мы сделаем это. Если победишь, можешь вновь зарядить пистолет и попробуем еще раз. Если победителем стану я, ты уберешься отсюда и будешь рад, что еще дышишь. Ну, как? Справедливо?

– Черт возьми, нет! Как насчет того, чтобы сделать это, как полагается, в присутствии свидетелей?

– Оглянись и поймешь, что за тобой наблюдают. И я предлагаю тебе именно то, за чем ты пришел: шанс проверить, кто из нас проворнее, только без кровопролития. Заодно и штанишки не намочишь от страха, что сейчас умрешь. Если хорошенько подумаешь, поймешь, что это лучшее испытание на скорость. Ты успокоишься, не будешь бояться, руки не станут потеть, что может послужить причиной промаха. Да, и если победишь, у тебя остается право хвастаться всем в округе.

Диган снял пиджак и повесил на луку седла. Если он и живет на Западе, это еще не причина отказываться от красивых вещей, к которым привык. Нет, конечно, ему пришлось кое-чем пожертвовать, но только не манерой одеваться. Черный пиджак безупречного кроя, черный шелковый жилет, белоснежная рубашка из тонкого полотна. Отполированные до зеркального блеска черные сапоги, шпоры из настоящего серебра. А кобура была сделана на заказ.

Он вышел на улицу, подальше от перекрестка. Не хотел, чтобы друзья видели это, если чересчур рано выйдут из церкви. Юноша последовал его примеру и оставил дождевик на седле лошади, прежде чем отойти от противника на нужное расстояние. Он все еще нервничал. Интересно, проделывал он нечто подобное раньше или это его первая перестрелка? Жаль, что такие юнцы не учатся на своих ошибках. Лучше бы ему вернуться домой. Может, он так и поступит, когда все будет закончено.

– Вы не собираетесь разрядить и свой пистолет? – нерешительно спросил парень.

– Нет. За нами наблюдают свидетели, помнишь? Это не убийство. Просто состязание на скорость. Докажи, что знаешь, как это делать.

Прошло еще несколько секунд, прежде чем ладонь мальчишки замерла над оружием. Он явно побаивается, несмотря на все заверения Дигана. Тот видел, как дрожат его пальцы.

Диган, наконец, вздохнул:

– Я даю тебе фору. Можешь выхватить пистолет первым. В любое время.

– Так вы не позволите мне победить?

– Нет.

Диган выхватил пистолет и так же молниеносно сунул его в кобуру.

– Видел?

Парень попытался. Но его пистолет все еще был в кобуре, когда дуло пистолета Дигана уперлось ему в грудь.

– Дело в том, малыш, что я еще и не промахиваюсь. Итак, мы закончили?

– Да, сэр.

Глава 2

– Макс, проснись! Макс Доусон!

Темные глаза широко открылись, несколько раз моргнули, прежде чем уставиться на смазливую ночную бабочку с надутыми губками, стоящую у кровати.

– Можно и не кричать так, Луэлла. Да еще называть меня полным именем!

– Прости, милый, я бы не кричала, проснись ты пораньше. Чудо еще, что ты вообще можешь спать в этом заведении, под стоны и охи со всех сторон.

– Главное – что ты молчишь и не возражаешь против моего пребывания в этой восхитительно мягкой постели, так что все остальное – просто легкий шум ветерка, – ухмыльнулся Макс.

– Поразительно, что при таком крепком сне тебя не поймали!

– Твоя дверь заперта, не так ли?

– Разумеется.

– И никто не влез в окно?

– Кроме тебя – никто.

– Вот видишь, полная безопасность и мягкая постель. Единственное место, где я могу крепко выспаться. В моем лагере на холмах малейший звук и треснувшая под ногой ветка немедленно меня разбудят. Кроме того, никто не ищет меня в этих местах.

– Почему же ты потребовал будить тебя на рассвете, до того, как помощники шерифа начинают обход? Кстати, это было полчаса назад. Вот столько времени

тебя и бужу.

– Черт возьми, почему ты не сказала? Ненавижу оказываться в городе после рассвета!

– Но если никто не ищет…

– Никто не шарит по углам в поисках Макса Доусона. Но плакаты с моей физиономией и обещанием награды за поимку добрались и так далеко на север. Когда я их вижу, непременно срываю, но шериф продолжает развешивать новые. Должно быть, ему прислали целую груду.

Макс встал с постели полностью одетым, если не считать пальто и шляпы, которые тут же были вытащены и надеты. Кобура тоже валялась в сторонке. Луэлле не нравилось спать рядом с длинноствольным «кольтом», хотя она привыкла к оружию и на всякий случай держала в бюро маленький «дерринджер». Но было еще кое-что, что она ненавидела куда сильнее.

– Мог бы, по крайней мере, стащить перед сном свою чертову обувь, – пробурчала она, глядя на потертые сапоги, только сейчас покинувшие ее кровать.

– Не могу, потому что должен действовать быстро. Вот так, – пояснил Макс, открывая окно и вылезая на крышу крыльца борделя. И только потом спрыгнул на землю. Луэлла следила за ним из окна. Стоя там в одной сорочке, она услышала свист с другой стороны улицы, но не потрудилась прикрыться. В конце концов, частью ее обязанностей было привлекать клиентов в бордель. В Хелене оказалось чересчур много публичных домов, и конкуренция была свирепой.

Слишком много борделей, слишком много миллионеров, слишком много золотоискателей, слишком много людей. Но Хелена была самым известным городом на территории Монтаны с тех пор, как в 1864 году в ущелье неподалеку нашли золото. Восемнадцать лет спустя люди все еще ехали в Хелену, хотя большинство городов, возникших на пике золотой лихорадки, превратились в призраки. Даже Вирджиния-Сити, находившийся подальше к югу, умирал, несмотря на то, что в лучшие дни мог похвастаться населением в три тысячи человек. Но мэр Хелены, с ее различными предприятиями, не полагался исключительно на золото. Имелись и другие источники дохода. Город также был

столицей, и кроме того, сюда вели железную дорогу. Через год-другой она, возможно, достигнет Хелены, и это будет означать, что город не пойдет ко дну, когда все золото будет выбрано.

Луэлла думала, что Хелена окажется подходящим местом, чтобы найти мужчину, который на ней женится. Но пока что она получала предложения исключительно от золотоискателей, а у них не было собственных домов, да и больших денег тоже. У них попросту не имелось средств, чтобы завести семью. А те, у кого они были, не горели желанием жениться на шлюхе, с которой можно переспать за несколько монет.

Луэлла бросила взгляд на Большого Ала, парня, свистнувшего ей. Он рано встал и подметал крыльцо своего салуна напротив борделя. Ал был одним из ее постоянных клиентов и всегда обращался с ней бережно. Она уже подумывала о нем, как о возможном муже, но тут Макс спас ее, и она мгновенно влюбилась. Так глупо поддаваться подобным эмоциям, особенно для такой, как она!

Но при этом Луэлла по-прежнему поглядывала на Ала: землевладелец, бизнесмен и в придачу холост. Его салун был одним из многих в городе, который никогда не закрывался на ночь. Впрочем, как и хозяйка заведения Луэллы, Джозефина Эйри или, как ее прозвали, Чикаго Джо, владела не только этим, но и еще несколькими борделями. Эта мадам была женщиной деловой и искренне считала счастливым человеком того, кто не нуждается в напоминаниях о времени, когда лежит с женщиной.

Большой Ал широко улыбнулся Луэлле, не глядя, куда метет. Пыль полетела на его клиента, прислонившегося к столбику крыльца и, очевидно, решившего выпить. Мужчина был модно одет. Луэлла посчитала его бизнесменом, но, увидев пистолет на бедре, быстро отвела глаза. Должно быть, и Ал его побаивается, если позволил ему пить на улице. Большой Ал никогда раньше такого не допускал. Он поспешно вбежал в салун, пока посетитель не заметил пыль на своих начищенных сапогах.

Луэлла не любила стрелков, хотя спала со многими. Стрелки пугали ее, потому что в пылу драки действовали не кулаками, а выхватывали пистолеты. Макс, вероятно, тоже, но Макс – дело другое. И что можно не любить в Максе Доусоне?

– Увидимся на следующей неделе, Луэлла! – крикнул Макс.

– Конечно, милый, – откликнулась Луэлла и помахала рукой, но конь Макса уже летел во весь опор по дороге, ведущей из города.

Она закрыла окно и вернулась в постель. Оставалось надеяться, что стрелок не заметил ее и не нанесет в скором времени визита.

Глава 3

Диган наблюдал, как малыш, поджав хвост, улепетывает из города. Он видел, как тот покидает бордель. Обычно такое поспешное бегство означало, что скоро появится кто-то с пистолетом в руке и начнет стрелять. Но этого не случилось. Мало того, в окне появилась хорошенькая блондинка в одной сорочке и помахала на прощанье.

Небольшая сцена побега показалась достаточно странной, и потому Диган присматривался куда внимательнее, чем обычно. Он всегда точно знал, что происходит вокруг него, но старался сосредоточиться на том, что, по его мнению, может быть опасным. Длинное пальто, надетое юнцом поверх черных штанов и рубашки, было не обычным дождевиком, а дорогой замшевой вещью. Его рыжевато-коричневая широкополая шляпа была либо новой, либо бережно хранимой, потому что на ней не было ни единой вмятины. Зато светло-коричневые сапоги были безбожно потерты и исцарапаны, а белый платок служил доказательством того, что у парня нет вкуса. Любопытный контраст составляли темные глаза и короткие почти белые, едва видневшиеся из-под шляпы волосы. Лицо было совсем детским. Еще один мальчишка, такой молодой, что даже усы не растут, однако на бедре висит пистолет. Почему все они склонны к насилию в столь юном возрасте?

Зато у этого, похоже, появилась любовь всей его жизни. Диган видел это по лицу юноши, когда тот вскочил на коня, и слышал в смехе, летевшем за ним, когда он мчался прочь. Жаркая ночка с привлекательной женщиной вполне может быть причиной – или первая влюбленность…

Но тут в голове всплыла одна деталь, которую он смутно припоминал. Диган отступил и уставился на плакат «Разыскиваются», прибитый к столбу, на который он опирался.

Диган уже видел его раньше, просто не обращал внимания. Тот, кто изобразил разыскиваемого, должен был знать его лично, потому что сходство было невероятным. Преступник, объявленный вне закона, посещает бордель, напротив которого висит плакат с предложением ста тысяч долларов за его поимку?!

Диган покачал головой. В последнее время мальчишки стали чересчур нахальными. Но это его не касается. Сам он наемник, и не собирается выполнять за шерифа его работу.

Диган отнес пустой стакан в салун и остановился у стойки бара. Кроме него единственный посетитель салуна все это время спал, положив голову на стол. Диган даже не остановился тут, если бы не скакал всю ночь, чтобы добраться до Хелены. Салун оказался первым местом, открытым в час, когда Диган проезжал мимо. Он терпеть не мог ночевать под открытым небом и смирялся с этим, только если темнота заставала его на полпути между городами. И по ночам он не любил путешествовать, но на этот раз не слишком устал, чтобы остановиться в предыдущем городе, а предвкушение горячей ванны и мягкой постели гнало его вперед.

– Я возьму бутылку твоего лучшего виски и тряпку для сапог.

Тряпку немедленно пустили к нему по стойке. Лицо хозяина было краснее вареного рака. Бутылку пришлось искать. Вернувшись, хозяин нерешительно пробормотал:

– Должен предупредить: здешний закон запрещает пить на улицах.

– Я и не собирался, – ответил Диган, вынимая деньги. – Не считаю ваше крыльцо улицей.

– Достаточно справедливо, – кивнул мужчина, удостоверившись, что Диган не оскорбился.

– Лучшая гостиница в городе?

– Скорее всего, «Интернешнл». Большое кирпичное здание. Трудно его не заметить, если поедете по главной улице. Вы только сейчас приехали?

Диган не ответил. Его раздражало, что один-единственный его вопрос послужил причиной целой лавины ответных. Он понимал, что это нервная реакция трусливых людей, которые надеялись, что он не будет стрелять, пока говорит.

Диган схватил бутылку и направился к двери.

– Если ищете работу, мистер, сначала обратитесь к шерифу, – окликнул его хозяин. – Люди первым делом обращаются к нему со своими бедами, но у него не всегда хватает времени помочь, хотя есть еще восемь подручных. Город большой. Многие не прочь нанять стрелка, если вы, конечно, таковым являетесь.

Диган коснулся полей широкополой шляпы в знак уважения, но продолжал идти. Он пока не искал работу, поскольку сумел подзаработать деньжат на Западе, причем столько, что мог отойти от дел лет на десять, если бы захотел. Но чем ему заняться? Его воспитывали в ожидании того, что когда-нибудь он станет во главе целой империи. Но он повернулся и ушел навсегда.

Диган вдруг осознал, что город на его вкус чересчур велик. Он предпочитал маленькие городишки, где за милю можно увидеть надвигающуюся беду. Он остановится здесь только затем, чтобы принять ванну, выспаться и пообедать, а потом продолжить путь в Калифорнию, куда и собирался до того, как Закери Каллахан отыскал его и сделал предложение, от которого было невозможно отказаться. Слишком много денег за простую задачу: несколько недель хранить в городе мир.

Не впервые ему платили такие суммы. Это случалось гораздо чаще, чем можно было сосчитать. Одно из преимуществ его репутации, слава о которой распространилась далеко. Второе и последнее преимущество заключалось в том, что он мог выполнить работу и не допустить кровопролития.

Когда-то Дигана беспокоил тот факт, что люди так нервничают в его присутствии. Он привык уверять их, что им нечего бояться. Они успокаивались только до того момента, как он выхватывал пистолет. И он крайне редко оказывался в чужом городе без того, чтобы не выхватить оружие по той или иной причине, если люди узнавали, кто он на самом деле. Поэтому он перестал

быть общительным, говорить с людьми, если в этом не было необходимости, перестал называть свое имя. Черт, да чаще всего вообще не имело значения, знали они, кто он или нет. Он даже не мог войти в банк без того, чтобы кто-то не бросился на пол, убежденный, что сейчас произойдет ограбление. А это раздражало! Может, пора вернуться на Восток, хоть это и не его дом?

Диган довольно легко нашел отель «Интернешнл», но никак не ожидал встретить в вестибюле старого знакомого.

– Ну, разве ты не радость для усталых глаз, Диган Грант!

Диган поморщился, услышав свое имя, произнесенное во весь голос.

– Можно потише? – буркнул он, но, обернувшись, тут же улыбнулся.

У него было не так много друзей на Западе, но он вполне мог считать Джона Хейза одним из них. Джону было уже лет сорок пять, но Диган встретил его вскоре после того, как пять лет назад впервые оказался на Западе.

– Что привело вас так далеко на север, шериф?

– Теперь уже маршал[3 - Здесь: начальник полицейского участка.] Соединенных Штатов, – с улыбкой поправил Джон.

Диган вскинул брови:

– Похоже, я опоздал с поздравлениями.

– Это позволило мне побывать чуть не во всех городах страны, но нет, я не стремился к этой должности. Меня уговорил старый друг, который стал сенатором. Правления железных дорог надавили на политиков в Вашингтоне и потребовали очистить Запад от бандитов. Даже наняли детективов Пинкертона, чтобы расследовать ограбления поездов. Но этого недостаточно. Теперь наше правительство тоже включилось в борьбу. Но что привело тебя в Хелену?

– Выполнял миссию миротворца.

– Так сейчас ты безработный?

– Временно.

– Так это большое облегчение!

Диган весело улыбнулся.

– Я все еще соблюдаю законы, Джон. Неужели считаешь, что меня нужно арестовать?

– Нет, конечно, нет! Но поскольку ты пока что без работы, я хотел бы попросить о возврате старого долга.

– Какой еще долг?

– Если помнишь, я спас тебе жизнь.

– Я и без этого выздоравливал, – фыркнул Диган. – И нечего было тащить меня к доктору.

– Ты был полумертв и истекал кровью, – напомнил Джон.

Он был шерифом в городе, где Дигана ранили. Тройка грабителей банка пыталась вырваться из города, когда объявили тревогу. Они мчались, не разбирая дороги, размахивая оружием и стреляя во все стороны. Диган вмешался, пытаясь помешать убийству невинных людей, но сам словил случайную пулю. Он выехал из города, раненный и почти потеряв сознание. Джон догнал его.

Будь он честен с собой, признался бы, что мог умереть в тот день, если бы продолжал скакать дальше. Рана не слишком беспокоила, потому он и не подозревал, что истекает кровью, оставляя на дороге багряный след.

– Признаю, твой доктор хорошо меня заштопал, – сказал он. – Шрам почти незаметен. Что тебе от меня нужно?

– Заметь, это на время. Мне нужно, чтобы ты за два месяца нашел и привел не меньше трех бандитов. Меня не только попросили очистить Запад, но и сделать это в определенные сроки.

Диган искренне изумился:

– Хочешь превратить меня в охотника за головами? Но я не стремлюсь получать награды за поимку преступников. И не умею выслеживать людей.

– Тебе и необязательно. Большинство этих парней живут на виду в больших городах, как этот, или слишком маленьких для того, чтобы иметь хороших шерифов. Награда довольно велика, двух из разыскиваемых преступников видели в этом округе. Третьего в последний раз видели в Вайоминге. Выбирай сам, за кем хочешь погнаться первым. Как я сказал, список длинный.

– Почему бы тебе самому не взяться за это?

– Потому что ма умирает. Я вчера получил телеграмму. Уже купил билеты, и сегодня мы уезжаем.

– Мы?

– Я беру жену и дочерей.

– Не знал, что ты женат.

– И счастливо! Почти десять лет, – с ухмылкой похвастался Джон. – Нашим девочкам шесть и семь лет, а моя Мег ожидает третьего. Мне приходится много путешествовать, и если я должен пробыть некоторое время на одном месте, всегда беру с собой семью. Сейчас железные дороги протянулись так далеко на запад, что это возможно. Пребывание в Вирджинии может занять месяца два, нужно уладить дела с наследством матери. Если за это время не вычеркну из списка по крайней мере троих преступников, это может стоить мне должности.

– Мне очень жаль твою мать.

Джон кивнул:

– Я знал, что она болеет. Просто не подозревал, что все настолько плохо.

– Полагаю, ты уже просил местного шерифа о помощи?

– Говорил с ним вчера. Но он слишком занят, что неудивительно. Черт, кто мог подумать, что настолько большой город существует в Монтане, которая еще даже не штат!

– Это все золото.

– Ты прав, – согласился Джон. – Так ты поможешь мне, Диган? Мне только нужно закрыть в кутузке троих бандитов. Если закончишь дело раньше, чем через два месяца, спокойно отправляйся в путь. Но пока ты действуешь от моего имени, я должен сделать тебя помощником маршала.

– О черт, ни за что! Я сделаю это, но точно не стану носить бляху законника.

– Тебе необязательно упоминать об этом, если считаешь, что подобные вещи очернят твою репутацию. Это на всякий случай: вдруг тебе нужно будет подтвердить свои полномочия. Возможно, этого делать и не придется. Возьмешь себе всю награду за их головы, и думаю, они окажутся куда более прибыльным делом, чем твоя обычная работа.

– Сомневаюсь.

– Ну, скажем, станет более прибыльным, когда сложишь все денежки вместе. И будет совсем нетрудно их найти. Я собрал много сведений об этих негодяях, куда больше, чем упомянуто в объявлениях об их розыске. Знаю их друзей и членов семьи, все случаи нарушения закона, всех сообщников. Впрочем, некоторые – закоренелые одиночки. У меня много заметок, накопленных за два года. Я только попрошу тебя телеграфировать мне в Вирджинию каждый раз, когда будет пойман и арестован очередной преступник. Тогда я дам понять начальству, что даже когда я отсутствую по семейным делам, по-прежнему придерживаюсь плана.

Диган кивнул.

– При условии, что потом твое начальство не станет выслеживать меня и донимать просьбами продолжить работу.

– Я никому не назову твоего имени, – хмыкнул Джон.

Глава 4

Кожаная сумка, которую дал ему Джон Хейз, напоминала маленький тощий портфель без ручки, зато имела замочек и ключ. Диган не открывал ее, когда вернулся в отель, попрощавшись с Джоном. Просто сбросил на пол вместе с седельными сумками и саквояжем. Самое главное – сон.

Но когда он лег в кровать, заснул не сразу. В мозгу вертелись слова «законник» и «охотник за головами». Подобные занятия не соответствовали его характеру, но он все же согласился на эту работу. По просьбе друга. Нет, потому, что он любил помогать людям, хотя никогда не признавался в этом себе. Это давало некую цель его скитаниям. А Джон Хейз был хорошим человеком.

Проснувшись днем, он понял, что для ужина еще рано, а для обеда слишком поздно. Но Диган все равно встал и спустился в столовую, потому что был очень голоден. При этом он продолжал игнорировать сумку Джона, которая так и осталась лежать на полу.

Как он и ожидал, обеденный зал был закрыт. Портье в вестибюле, который регистрировал Дигана, дал названия ближайших ресторанов, хотя не был уверен, что они открыты.

При виде злобной гримасы постояльца клерк быстро добавил:

– Но если вы подождете в обеденном зале, я пришлю что-нибудь поесть.

– Лучше в мой номер.

– Конечно, сэр. Немедленно.

Диган снова поднялся наверх. Его номер имел прекрасный вид, лучше, чем в большинстве отелей, где он останавливался с самого приезда на Запад, так что он не возражал провести здесь несколько дней, если понадобится. Возможность поесть в номере – приятное дополнение. Чем меньше времени он станет проводить на людях, тем лучше. Он надеялся, что владелец бара, с которым они говорили сегодня утром, не любит сплетничать. Будь это не так, шериф уже наверняка знал бы о его приезде в город. И пусть он не знает имя Дигана, это вряд ли остановит его от попытки найти и выяснить, что за чужак остановился в гостинице.

Несколько минут Диган стоял у окна, из которого открывался панорамный вид на Хелену. Город был выстроен среди низких холмов, окружавших даунтаун. Многочисленные улицы напомнили Дигану о доме, тем более в это время были полны народа. Запад всегда был местом, где люди могут начать новую жизнь. И все же, большая часть территории не считалась безопасной для оседлых жителей. Но это скоро изменится. Недаром миссия Джона – отлавливать и сажать в тюрьму преступников, считающих мирных людей своей добычей. Прогресс, настоящий прогресс придет на Запад вместе с железными дорогами.

В ожидании, пока принесут еду, Диган открыл сумку Джона и разложил на кровати бумаги. Он насчитал двести объявлений о розыске. К каждому были прикреплены одна-две страницы заметок, сделанных Хейзом. На одном объявлении красовался портрет Большого Джима Моусли. Что же, очень удачно. Теперь остается поймать только двух бандитов. Можно вычеркнуть Моусли из списка Джона. Диган собственноручно убил его в прошлом году в Вайоминге. Он не знал, что Моусли разыскивают за убийство, но не удивился – тот попытался выстрелить ему в спину. Видимо, шериф того городка не смог опознать Моусли, вот почему объявление так и не сняли. Интересно, сколько еще людей из списка Джона, насчитывавшего двадцать человек, уже мертвы? Люди, преступающие закон, не могут рассчитывать, что доживут до старости.

А Макс Доусон, бандит с детским лицом, не мертв, и найти его будет легко, учитывая, что только утром он видел его в борделе. Малыш Кейд, еще один из списка. Диган также встречался с ним в Вайоминге. Впрочем, ему почти тридцать, и малышом его трудно назвать. Он так упорно держался подальше от Дигана, что тот посчитал его не столько бандитом, сколько вором. В записках Джона упоминалось, что Кейд потерпел неудачу, пытаясь захватить чужой золотоносный участок, сумел ограбить почтовый дилижанс, но едва не погиб при ограблении банка, которое решился совершить в одиночку. Правда, ему удалось

избежать поимки за это и множество других ограблений, свидетели которых в один голос утверждали, что он был среди грабителей. Последний раз его видели несколько месяцев назад в округе Батте, ближе к юго-западу.

Читать дальше не было необходимости. Он намеренно избегал Батте и отправился на север, в Хелену, из-за местных старателей, которые непременно разнесли бы по всему Батте весть о его появлении. Сам Диган не слишком любил выслеживать людей, но Кейд и Доусон, скорее всего, скрывались недалеко отсюда, и этих двоих можно быстро найти и арестовать. Если повезет, через неделю-другую он сможет уехать в Калифорнию.

Но тут его взгляд упал еще на одно объявление, лежавшее рядом с портретом Макса Доусона, за которого давалась тысяча долларов. Такая же награда давалась за Чарлза Биксфорда, и в заметках Джона объяснялось почему. Чарлз Биксфорд, или Рыжий Чарли, обвинялся в убийстве трех женщин, двоих детей и пятнадцати мужчин, погибших при взрыве мэрии в Небраске. В здании находились его жена и двое детей. Но это было только началом серии убийств, продолжавшихся в Небраске и Колорадо и закончившихся в Юте, где его видели в последний раз. Биксфорда не считали безумцем, и все же он убивал невинных людей без всякой на то причины. Кроме того, он застрелил маршала, пытавшегося его арестовать, и ранил второго, повторившего попытку ареста.

И Джону требуется поймать этого убийцу. Джону, женатому человеку, с двумя детьми? Какое же одолжение сделает ему Диган, если поймает наиболее опасных преступников во всем списке!

Он решил поймать их и прибавить Биксфорда в качестве бонуса, а уж потом отправиться в Калифорнию.

Диган укладывал объявления в сумку Джона, когда услышал стук. Он открыл дверь. Молодой мужчина в белом фартуке нервно протянул ему блюдо с затейливыми сандвичами и поспешил прочь. Еды было слишком много, и он съел только половину. Потом, после того, как стоявший в конце коридора слуга подал ему чистое полотенце и заверил, что ванну чистят после каждого использования, воспользовался ванной комнатой. Еще одна ванна, поменьше, стояла в его комнате за ширмой, но в нее нужно было носить воду ведрами, а Дигану не хотелось ждать.

Час спустя он уже седлал коня в ближайшей конюшне. Там его и нашел шериф Хелены. Шериф, высокий мужчина с уверенным видом, приближался к нему, держа в руках ружье. Судя по тому, что он не взял с собой помощников, человеком он был храбрым.

– Мистер, нам здесь неприятности не нужны, так что, я надеюсь, вы седлаете коня, намереваясь покинуть наш прекрасный город.

Диган не собирался долго объясняться, потому просто сказал:

– Я друг маршала Хейза. Вы, думаю, его знаете?

– Знаю.

– Маршал просил помочь ему в одном деле. Если я привезу вам бандита или двух, у вас найдется местечко в тюрьме?

– Разумеется. Подобная помощь всегда приветствуется.

Диган вскочил в седло, коснулся полей шляпы и выехал из конюшни, прежде чем шериф догадался спросить, как его зовут. Возможно, слухи о его репутации не достигли Хелены, но не стоит рассчитывать на это, когда жители Нэшарта и Батте узнают, что он здесь.

Шериф не хуже Дигана знает, что его имя привлечет в город других жаждущих славы стрелков. Останется он здесь или нет, смельчаки будут приезжать сюда в поисках знаменитого Гранта.

Диган поехал прямо в бордель, где проводил время Доусон. Едва одетые женщины, отдыхавшие в большой гостиной, разом встрепенулись при виде красавца-мужчины. Он услышал ласковые приветствия и чувственные обещания. Две дамы спешно оттолкнули друг друга, чтобы первыми до него добежать. Третья, соблазнительно покачивая бедрами, тоже направилась к Дигану, но заметила пистолет у него на бедре и повернула назад. Должно быть, выражение ее лица предупредило остальных. Они больше не старались привлечь его внимание. Некоторые поспешно вышли из комнаты. Но Диган привык к подобной реакции. Женщины боялись его больше, чем мужчины, и почти не пытались это

скрыть, даже те, чье общество мог купить любой. А ведь они не знали его. И ничего не знали о нем. И все же при взгляде на Дигана интуиция заставляла их отводить глаза.

Единственным исключением оказалась мадам, которая тоже была в гостиной. Ее обязанностью было сделать так, чтобы каждый мужчина, входивший в ее владения, покидал их счастливым. И даже она нервничала, подходя к Дигану, хотя по ее голосу этого и не скажешь.

– Нечасто я встречаю мужчину, заставляющего меня пожалеть о том, что я замужняя женщина. Меня называют Чикаго Джо. Что вам угодно, мистер?

В комнате сидели три блондинки, но ни одна не была такой хорошенькой, как Луэлла, та, которая с утра стояла у окна, провожая Доусона. Именно с ней он и хотел встретиться.

– Я ищу Луэллу.

– О, она из тех, на кого самый большой спрос, – улыбнулась мадам. – Она наверху, но сейчас занята. Могу я предложить вам выпить или, возможно, другая наша прелестная…

Диган не стал дожидаться окончания фразы и молча шагнул к лестнице. Никто не подумал его остановить.

Луэлла нашлась в угловой комнате, выходившей на улицу. Дверь не была заперта, но сейчас у нее находился клиент. Она лежала на смятой постели, клиент только раздевался. Оба испуганно уставились на стоящего в дверях Дигана.

– Мне нужно обменяться парой слов с леди, – пояснил он клиенту. – Можете либо подождать в коридоре, либо взять другую, если уж так не терпится. Но освободите…

Мужчина уже схватил рубашку и сапоги, и, низко опустив голову, промчался мимо Дигана. Луэлла встала и, накинув тонкий халатик, обернулась к Дигану:

– Пара слов, вот как? Ну, разве вы не красавчик? Уберите пистолет и мы с вами прекрасно поладим, мистер.

Диган сразу увидел, что она храбрится. Женщины обычно становились дерзкими, стоило ему снять кобуру. Но Луэлла пятилась к бюро, где, вероятно, держала оружие. Диган поспешно вошел в комнату, чтобы не дать ей наделать глупостей.

– Я здесь не ради твоих прелестей, – успокоил он. – Но ты должна сказать, где логово Макса Доусона. Где он прячется, когда не наносит тебе визиты?

Она недоуменно моргнула. Брови озабоченно сошлись:

– Я ничего не знаю.

– Уверена?

Она перебежала на другую сторону кровати. Хоть какое-то препятствие между ними. Диган понял, что умудрился напугать ее своим тоном. Ненамеренно. Он бы и хотел утешить ее, но это не послужит его интересам. Потому он холодно уточнил:

– Если мне придется ждать следующей недели, пока Доусон снова не прокрадется в твое окно, кого-то обязательно пристрелят во время ареста. И скорее всего, это будет Доусон, если попытается сбежать. В объявлении о его розыске не говорится, «живым или мертвым», но и не уточняется, обязательно ли он должен быть живым.

– Откуда вы знаете, что… О, это вы были у бара сегодня утром. Если вам нужен Макс, почему бы просто за ним не проследить?

– Я не хочу ждать. Он мне нужен сейчас.

Это заявление было встречено долгим молчанием, прежде чем она задала вопрос полным трогательной надежды голосом:

– Вы не застрелите Макса, если в этом не будет необходимости?

– Нет. Если не будет необходимости.

Диган предполагал, что молодой Доусон питает некие чувства к девушке, но удивился, обнаружив, что она, очевидно, отвечает на них. По крайней мере, ее желанием было нечто большее, чем просто защитить щедрого клиента.

Поэтому Диган добавил:

– Если можешь показать мне, в каком месте он прячется, я сумею застать его врасплох. В этом случае, могу гарантировать, кровь не прольется. Но если придется ловить Макса, когда он снова тебя навестит, почти наверняка кончится тем, что он будет лежать мертвым у твоих ног. Так или иначе, мне необходимо его найти. Попытаешься спасти ему жизнь или нет?

Луэлла села на край кровати и отвернулась. Диган увидел, что она плачет. Из чистой вежливости он постарался не фыркнуть – он уж точно не настолько доверчив, чтобы растаять при виде слез, которые легко могут оказаться фальшью. Впрочем, его бы не тронули даже настоящие. Нужно что-то чувствовать к человеку, чтобы его слезы имели силу. А он очень давно не испытывал ничего подобного.

Дигану все же пришлось подождать, пока девушка справится со своей нерешительностью. Несколько раз прикусив губу, она стала умолять красивыми голубыми глазами. Бесполезно.

Наконец, Луэлла что-то сообразила и даже тихо застонала, прежде чем признаться:

– Макс нашел заброшенную хижину в холмах. Какой-то глупый старатель построил ее много лет назад, вообразив, будто отыщет много золота вдалеке от ущелья, где копали все остальные.

– Откуда ты знаешь, что она была заброшена?

Она гневно уставилась на него:

– Макс не убивал хозяина, если вы на это намекаете! В хижине остались инструменты, а вокруг много ям, даже вырытая рядом с хижиной пещера в склоне холма. Это Макс предположил, что хижина принадлежала старателю. Не я.

– Так ты там не была?

– Нет. Я никогда не выхожу за пределы города. Макс упомянул, что нашел хижину, когда мы встречались в прошлом месяце, и сказал, что пока поживет там. Оттуда открывается красивый вид на Хелену, так что я предположила, что она выстроена повыше, возможно, в лесистых холмах по пути к горе Биг-Белт.

– Но это только твои предположения?

– Поблизости должна водиться дичь. Потому что на прошлой неделе Макс принес нам оленя, а на позапрошлой – пару кроликов.

– Он так платит за твои услуги?

– Нет, просто он очень милый.

– Милый убийца и грабитель банков?

Луэлла упрямо выдвинула подбородок.

– Макс ни в чем не виноват.

– Это решать не нам с тобой, а суду присяжных, – отрезал Диган, прежде чем выйти из комнаты.

Глава 5

Закери и Мэри Каллахан пили кофе на переднем крыльце своего дома на ранчо, когда вдали показалось облако пыли, катившееся к ним.

– Ты ждешь гостей сегодня? – спросил жену Закери.

– Нет, – покачала головой Мэри.

– У меня тоже нет друзей, которые приезжали бы в экипаже. Не видишь, кто в нем?

– Он недостаточно близко, – пробормотала Мэри, прищурившись. – Но похоже, там две шляпки, так что, полагаю, это Роуз Уоррен с горничной.

– Но охранники – не люди Уоррена. Я бы узнал лошадей. И по-моему, ты говорила, что Роуз приезжала вчера, когда я был на ранчо.

– Это так. Но Тиффани и Хартер скоро едут в Нью-Йорк. А Роуз очень тревожится за их брак. Не можешь же ты осуждать ее потому, что она сама хочет посмотреть, получается ли у них…

– Но со свадьбы прошла всего неделя. А эти двое почти не выходят из спальни, так что никто ничего еще не знает.

– Собственно говоря, я сама бы волновалась, если бы они не оставались в спальне. Или прошло так много лет, что ты не помнишь, как было, когда мы только обвенчались? – хмыкнула Мэри.

Он подался вперед и нежно поцеловал жену.

– Если бы не ранчо, которое требует постоянного присмотра…

– Напомню тебе эти слова сегодня вечером, – хихикнула Мэри.

Оглянувшись на клубы пыли, Закери заключил:

– Думаю, ты права. Уж больно крупное перо на одной шляпке. Ни у кого в городе, кроме нашей невестки, нет такой шляпы, если не считать ее матери.

– Я ошиблась. Вряд ли Роуз распаковала свои шляпки. И раньше, когда жила здесь, никогда не носила такие. Предпочитает широкие поля. Такие, как у меня. Чтобы лицо не загорело.

– Тогда я сдаюсь.

– Прекрасно. Если сдержишь любопытство еще на несколько минут, точно узнаешь, кто едет в гости, – посоветовала Мэри.

Когда экипаж остановился у крыльца, Мэри встала, чтобы приветствовать визитеров, и на ходу добавила:

– Или не узнаешь.

Молодая женщина определенно была не из Нэшарта или какого-то соседнего города. Если бы не ее богатая одежда – синий шелк, эти черные волосы, голубые глаза и возраст – около двадцати пяти лет, Мэри предположила бы, что это Дженнифер Флеминг, которую Фрэнк Уоррен выписал из Чикаго на должность экономки. Та девушка, которой подражала Тиффани, когда Дженнифер была их экономкой. Мэри не могла отвести глаз от модного наряда приезжей. Три ряда коротких оборок спускались по обе стороны ее короткого жакета, от плеч до талии, а в центре шел ряд перламутровых пуговиц. Еще один ряд оборок пересекал ее юбку, которая была задрапирована сзади под турнюр. Подумать только, это всего лишь дорожный ансамбль, и все же он может затмить самый модный наряд на любой вечеринке в Нэшарте.

Перед ней была леди, богатая городская леди, и теперь любопытство Мэри перевесило интерес супруга. Леди такого сорта не появляются в Монтане без очень веской причины.

Ее спутница была старше и не так элегантно одета. Двое сопровождающих, ехавших по обе стороны повозки, тоже были не местными парнями: городские костюмы, котелки и ремни с пистолетными кобурами. Определенно, это профессиональные охранники. Один спешился, чтобы помочь женщинам спуститься. Закери встал и поднялся на крыльцо. Мэри последовала за ним. К крыльцу направились только молодая леди и ее компаньонка.

– Мистер и миссис Каллахан, полагаю? – спросила девушка.

– Здесь полно Каллаханов и более чем одна миссис, – буркнул Закери.

Леди пришла в восторг, несмотря на уклончивый ответ.

– Значит, я приехала по верному адресу. Я Эллисон Монтгомери. Это моя горничная Дениз. Мы прибыли из самого Чикаго, чтобы найти моего жениха Дигана Гранта. Детективы, которых я наняла, проследили за ним до вашего ранчо.

– Вы немного опоздали, – покачал головой Закери. – Диган работал на меня. Но теперь его работа закончена. Он уехал на прошлой неделе, после свадьбы.

Лицо Эллисон омрачилось:

– Он женат?..

– Нет. Женился наш сын Хантер, – поспешно вставила Мэри. – Но Диган никогда не упоминал о невесте.

– Да он и о себе никогда не говорил, – ухмыльнулся Закери.

– Не могу сказать, что не разочарована, – вздохнула Эллисон. – Жаль, что его здесь нет. Не знаете случайно, куда он мог поехать?

– На запад, то есть он может быть где угодно, – ответил Закери.

– А вдруг Хантер знает больше? – воскликнула Мэри. – Закери, сходи за ним, а я пока принесу кофе. Прошу, проходите в гостиную, мисс Монтгомери. Там куда прохладнее в это время дня.

– Спасибо, вы очень любезны, – поблагодарила Эллисон и поднялась на крыльцо в сопровождении горничной.

Подойдя к спальне молодых, Закери постучал:

– Хантер, ты мне нужен внизу.

– Уходи, па, я занят, – завопил Хантер.

Но отец легко перекрыл его голос:

– Так прекращай свои занятия и приводи свою жену. У нас…

– Тиффани тоже занята, и я не собираюсь ей мешать. Проваливай!

Закери прислонился ухом к двери и услышал смешок, затем страстный стон. Он выразительно закатил глаза, немного подумал и снова стал колотить в дверь:

– Приехала невеста Дигана и хочет знать, где его найти. Это действительно не может ждать.

Ровно через секунду Хантер открыл дверь, придерживая расстегнутые штаны. Больше на нем ничего не было.

– У Дигана есть невеста? Не верю!

– Пойди, сам посмотри.

Одевшись, Хантер и Тиффани поспешно сбежали вниз. Но замерли, как вкопанные, увидев женщину, сидевшую на диване в гостиной. Хантер сначала решил, что отец попросту придумал уловку, чтобы выманить их из спальни, в которой они провели всю неделю. Но Тиффани знала, что свекор не станет шутить насчет невесты Дигана, так что не удивилась при виде молодой красавицы и подошла, чтобы представиться.

Хантер помедлил, виновато улыбнулся Мэри и поцеловал в щеку. Та поставила поднос с кофейником, который только сейчас принесла в гостиную.

– Доброе утро, ма… А что, сейчас утро?

– Ты бы знал, какое сейчас время дня, если бы не решил провести здесь медовый месяц.

– Но в Нью-Йорке придется каждый день ездить по магазинам. Когда-нибудь мы туда доберемся.

– Тогда веди себя прилично. У нас гости.

– Вижу, – буркнул Хантер, усаживаясь на подлокотник дивана, поближе к жене. Но при этом у него был крайне негостеприимный вид. Устремив взгляд на Эллисон Монтгомери, он сказал:

– Будь у Дигана невеста, он не продавал бы свое умение владеть пистолетом по всему Западу! Так кто вы на самом деле?

– Хантер! – укоризненно воскликнула Тиффани. Гостья залилась краской, и немудрено: ее все равно что назвали лгуньей в присутствии хозяев и не пожалели для этого слов.

– Вижу, что мне следует объясниться.

– Да, это неплохая идея, – согласился Хантер.

Мэри налила гостьям кофе, но Эллисон не притронулась к чашке.

– Вы правы, – начала она. – Мы с Диганом больше не помолвлены, но когда-то были. Не покинь он Чикаго, сейчас стали бы мужем и женой. Он не знает, что я его простила.

– Простили? За что? – не выдержала Тиффани.

Глаза Эллисон наполнились слезами, и она быстро заморгала.

– Мы были друзьями с детства и так любили друг друга. Но Диган стал флиртовать – и не только – с другой молодой женщиной в вечер нашей помолвки. Я не осуждала ее. Мы еще не были женаты, и… я понимаю, что такое бывает. Но мои родители возмутились и заставили меня разорвать помолвку. Я не хотела этого, но не могла пойти против них. Надеялась, что родители смягчатся и мы с Диганом помиримся. Но он покинул Чикаго до того, как они передумали.

– Почему вы ждали так долго, чтобы поехать на поиски Дигана и попытаться все исправить? – поинтересовался Хантер уже дружелюбнее.

– Все советовали дать ему год-другой, чтобы он остепенился, и уверяли, что тогда он вернется. Но прошло пять лет! Я пыталась забыть его. Позволяла другим мужчинам ухаживать за мной, старалась влюбиться, но не смогла забыть Дигана. Мы с ним предназначены друг для друга. Я просто напомню ему об этом, скажу о своей любви и прощу его.

– Ни за что не подумал бы, что Диган – житель большого города, – заметил Закери.

– А вот я подумала бы, – широко улыбнулась Тиффани.

– Рыбак рыбака, рыжик, – поддразнил Хантер жену.

– Вы не знаете, куда направлялся Диган? – спросила Эллисон новобрачных. – Я ищу его не только ради себя. Его отец болен. Диган должен вернуться.

– Он направлялся в Калифорнию через Хелену. На север, – охотно пояснила Тиффани.

– Но мог по пути остановиться в любом городе и, возможно, так и сделает, – добавил Хантер. – В конце концов, он наемник.

– Мне так и сказали, – тепло улыбнулась Эллисон. – Большое спасибо. Если я поспешу, возможно, успею нагнать его.

– В жизни не подумал бы, что Диган уехал на Запад из-за разбитого сердца, – заметил Хантер, как только Эллисон Монтгомери ушла.

– Я вообще не представляла, что у него может быть разбито сердце, – отрезала Тиффани.

– Я думал, ты уже перестала его опасаться, – вскинул брови Хантер.

– Перестала. Но скажи, можешь представить Дигана Гранта, умирающего от любви?

– Нет, но он очень мне нравится. Если эта городская девчонка сделает его счастливым, надеюсь, она его догонит. Кстати, о том, кто кого догонит: спорим, я первым взбегу по лестнице?

Глава 6

Четыре дня и пять вечеров ушли у Дигана на то, чтобы найти лачугу в холмах. Он не доверял Луэлле, опасаясь, что та неверно указала ему направление. Лес по пути к горам Биг-Белт был слишком далеко от Хелены. Требовался целый день пути и, возможно, переход через Миссури, чтобы добраться до гор. Хотя на реке наверняка была переправа, он сомневался, что бандит вроде Макса Доусона захочет провести около часа в обществе паромщика. Тот может узнать его и известить шерифа, пока Доусон будет с Луэллой. Да и Диган не хотел тратить время на поиски парома. Он лучше прождет неделю в городе, когда Доусон снова приедет. Но Хелену окружали леса, до которых легче было добраться, и он мог поискать там Доусона днем и вернуться в отель вечером. Леса к юго-востоку и к юго-западу были огромными, поэтому поиски продолжались так долго.

Но тут двое старателей на разных участках упомянули о каких-то старых месторождениях на одном из холмов, и именно туда он отправился сегодня. Диган уже начинал сомневаться и в этих сведениях, пока не набрел на две бревенчатых лачуги и настоящий дом, спрятанные в деревьях. Затем наконец увидел хижину на вершине холма. Поскольку дело было ночью, он бы не заметил ее и вернулся в город, если бы не лунный свет, отразившийся в оловянной крыше. Подобравшись ближе, он увидел тусклый огонек, пробивавшийся в щели между дощатыми стенами. Неужели это переносная жаровня?

Он подкрался еще ближе.

Сколоченная из поломанных деревянных ящиков, досок разной длины и других обрезков дерева, хижина едва вмещала маленький топчан и стол со стулом. Стены были такими щелистыми, что ни о каком тепле зимой не могло быть и

речи. Но она по крайней мере защищала от дождя в более теплые месяцы. И уж конечно, это было лучше, чем ночевать под открытым небом.

Он едва успел заметить пещеру, о которой упоминала Луэлла, в конце пологой тропы – она была в тени деревьев, футах в тридцати от хижины. Она казалась не более чем дырой на крутом склоне. Прежде всего Диган полез туда. Он был бы раздражен, узнав, что Доусон спит именно там. Трудно представить, о чем думал старатель, выкопавший ее. Решил рыть землю, пока не доберется до горной породы? Вполне могло оказаться, что никакой породы тут нет!

Он вынул из кармана пиджака коробок со спичками, зажег одну и вошел в пещеру. Она была глубока ровно настолько, чтобы ставить туда лошадь на ночь. Животное повернуло голову и глянуло на него, но не издало ни звука. Диган попятился и вернулся на тропинку, ведущую к хижине.

Обошел строение и отыскал вход. Здесь не было деревьев и кустов. Диган увидел кострище. На решетке был оставлен котелок. Огонь потушили на ночь. Рядом лежало седло.

Диган не удивился. Хижина загородит огонь от тех, кто окажется у подножия холма. Очевидно, старатель, выстроивший ее, был нелюдим.

Диган подобрался к входу. Если когда-то здесь была дверь, то теперь на ее месте зияла дыра.

Хижина была примерно с него высотой, но вход гораздо ниже. Пришлось пригнуться, чтобы зайти внутрь.

Свет исходил от фонаря на полу, но фитиль был привернут так низко, что в хижине царил полумрак. Все же он сразу увидел лежавшего на полу Доусона. Парень крепко спал. Значит, Луэлла пыталась обмануть Дигана, указав неверное направление. Влюбленность в этом случае чертовски раздражает!

Прошел почти час с тех пор, как Диган нашел это место. Он оставил коня у подножия холма, чтобы слышать каждый издаваемый животным звук. Он передвигался очень медленно, стараясь не наступать на сухие ветки, потому ушло так много времени. Упавших веток было много, но когда он вошел в хижину, скрипнула одна из досок пола. Еще бы! Пол тоже был сколочен из

обломков ящиков.

Доусона разбудил шум. Он схватил пистолет, но не успел перевернуться с живота на спину и выстрелить, как Диган сказал:

– Твоя спина – прекрасная мишень, а я никогда не промахиваюсь. И не пытайся сделать то, о чем подумываешь. Учти, для того, чтобы умереть, требуется не больше секунды.

– Можно мне хоть повернуться?

– Только не с пистолетом в руке. Осторожно опусти его, сцепи руки за головой.

Юнец выполнял медленно приказы, очевидно, все еще обдумывая варианты побега. Диган шагнул вперед и придавил сапогом правое запястье Макса так, что пистолет выскользнул на пол. Парень разразился затейливыми ругательствами.

– Повезло тебе, что я никогда не выхожу из себя, – небрежно бросил Диган, поднимая с пола длинноствольный «кольт» и засовывая его за пояс, прежде чем отступить. – Но я легко раздражаюсь, когда устаю, а сегодня чертовски устал, так что вряд ли ты захочешь снова испытывать мое терпение… Вижу, ты так и не заложил руки за голову.

Макс тряс правой рукой, пытаясь убедиться, что запястье не сломано, но в этот раз немедленно подчинился и сцепил руки за головой. Парень, возможно, все еще ругался. Но до ушей Дигана доносилось только невнятное бормотанье, на которое он предпочел не обращать внимания. Сбросив моток бечевки, висевший на плече, он внимательнее оглядел комнату. В ней ничего не было, кроме фонаря, двух седельных сумок и ружья у стены между ними. С колышка в стене свисала рыжеватая шляпа. Парень был полностью одет, если не считать пальто, выполнявшего роль подушки.

– Ты спишь на груде листьев? В самом деле? – развеселился Диган.

– А что, должен был сделать из этой развалины уютный дом? Не собирался оставаться здесь дольше нескольких дней.

– И все же остался. Почему бы тебе просто не снять комнату в городе и жить с комфортом? Хелена достаточно большой город, чтобы там прятаться.

– Только не с моим лицом, красующимся на каждом столбе!

– Так ты и есть Макс Доусон? Спасибо за то, что разъяснил.

– Черт, так ты не был уверен?

– Уверен-то был, но здесь не так много света, верно?

Диган нагнулся и вывернул фитиль. В комнате стало немного светлее.

– Здесь совсем не осталось масла, – предостерег Доусон.

– Если оно выгорит, мы это переживем. Сейчас можешь сесть.

Макс осторожно сел и стряхнул с рубашки сухие листья, нагнув голову, застегнул кожаный жилет. На нем была та же одежда, что и несколько дней назад, включая белый платок. Только выглядел парень так, словно извалялся в грязи.

Диган тут же вспомнил, что вчера шел дождь, и должно быть, парень поскользнулся и упал. Грязь засохла на щеке, рукаве и коленях, даже в пепельных волосах, отчего они торчали вихрами.

Заметив неровные, рваные пряди, Диган спросил:

– Где нож, которым ты расправился со своими волосами?

– У меня его больше нет.

– Если придется спросить еще раз, я заставлю тебя раздеться.

Макс выудил нож из сапога и рассерженно швырнул к ногам Дигана, прежде чем с перекошенным лицом уставиться на врага. Но гримаса тут же исчезла, а

темные глаза округлились. Но не от страха. Страх было легко узнать, но и удивление тоже. На лице парня было именно удивление.

– Никогда не видел, чтобы охотник за головами так одевался, – выпалил он и опустил глаза.

Прежде чем ответить, Диган спрятал нож в сапог:

– Я не охотник за головами.

– Никогда не видел, чтобы законник так модно одевался.

– Я не законник. Просто делаю одолжение другу.

– Не мог выбрать другого времени для своей чертовой благодетели? – прошипел Макс.

Диган рассмеялся. Боже, он действительно устал, если позволил себе признаться в помощи другу. В работе такого рода нельзя выказывать эмоции. Улыбку могут не так понять. Смех может растопить страх там, где это не нужно. Хмурое лицо может побудить уже испуганного противника выхватить пистолет. Но Доусон пока что не выглядел испуганным. Только злым, как черт. Впрочем, он еще малыш, судя по виду, ему лет пятнадцать-шестнадцать. Такие мальчишки могут быть безоглядно дерзкими и храбрыми, забывая о здравом смысле. А этот вытаращил на него глаза, и все из-за проклятого смеха.

Диган ногой подтолкнул к Максу моток веревки:

– Обвяжи концом щиколотки. Если сплутуешь и не затянешь веревку, тебе не понравится, как я ее затяну.

В глазах парня снова сверкнул гнев, губы сжались в тонкую линию. Он вовсе не торопился затягивать веревку. Грант слишком устал, чтобы его торопить. Как только Доусон будет связан, Диган сможет немного поспать.

– Почему ты торчишь в окрестностях Хелены, малыш? Из-за девушки?

– Какой девушки? – переспросил Доусон, не поднимая глаз.

– Которую ты постоянно навещаешь в городе.

Трясущийся от злости Макс попытался встать, но ноги были связаны на совесть.

– Если ты что-то сделал Луэлле…

– Я похож на человека, способного что-то сделать женщине?

– Черт побери, да!

– Хотя я без труда могу выяснить все, что мне нужно, не прибегая к насилию?

– Потому что ты выглядишь опасным, – хмыкнул Макс. – Тебя все боятся.

Диган пожал плечами:

– Я просто перекинулся с ней словечком. Она не слишком разговорчива, мало того, пыталась направить меня в другую сторону, подальше от тебя.

Доусон расплылся в улыбке.

– Она хороший друг и знает, что я невиновен.

– Ничего такого она не знает. Просто верит в то, что ты ей наплел.

– Но я невиновен!

На этот раз в голосе парня не было враждебности, только грусть, что удивило Дигана. Но он предположил, что именно такими приемами мальчишка убедил в своей невиновности Луэллу и всех, кто мог узнать его. Лучше бы приберег свой спектакль для присяжных.

– Невинность не вывешивается на плакатах о розыске преступников. Кстати, твоя возлюбленная – единственная причина, по которой ты тут торчишь, или

задумал ограбить еще один банк?

– Я пробирался в Канаду, но услышал, что там большинство говорит на французском, и передумал. Я знаю испанский, но не французский. Может, мне лучше отправиться в Мексику?

– Пока что ты отправишься в тюрьму. Надеюсь, это ты уже понял?

– Я не так глуп, щеголь, – прорычал Доусон.

Последнее было спорным утверждением. Нарушение закона обязательно было связано с чьей-то глупостью или отчаянием. По крайней мере, если речь шла о мужчинах. Но такие мальчишки могли совершить преступление просто ради забавы, потому что слишком молоды и бесшабашны, чтобы думать о последствиях. Максу Доусону, наконец, придется повзрослеть.

– Становись на колени.

– Зачем?

Диган не ответил. Молча ждал. Не в его привычках было говорить много. За многие годы он разговорился лишь однажды, с Тиффани Уоррен, когда та изображала экономку Каллаханов. Но Тиффани напоминала ему о стольких вещах, от которых он отказался. И она так и сыпала вопросами, несмотря на то, как сильно нервничала в его присутствии, поэтому было трудно отмалчиваться.

Но Доусон пробуждал в нем любопытство с того момента, как он увидел парня, вылезавшего в окно борделя. Такой живой, такой энергичный. Смеющийся. Счастливый бандит. Но Диган посчитал, что причиной этому первая влюбленность.

Парень встал на колени. Диган проверил узлы веревки и для верности несколько раз обернул ею ноги Доусона.

– А теперь руки.

Через несколько минут Доусон был надежно связан веревкой, тянувшейся от ног до скрученных рук и шеи, на которой красовалось несколько петель.

– Да ты хоть представляешь, как это неудобно? – яростно взвыл Макс, когда Диган толкнул его на пол, так, чтобы он мог лежать на боку.

– Не могу сказать, что представляю. Но я и закон не нарушаю, не позволяю застать себя врасплох и, черт возьми, ни за что не стал бы вопить, как девчонка. Так что заткнись ко всем чертям, Доусон!

– Ты прямо сейчас повезешь меня в кутузку?

– Утром, – пояснил Диган. – Я почти не спал последние четверо суток, с тех пор, как стал искать твою паршивую задницу.

С этими словами он схватил ружье парня и вышел, чтобы привести коня. Паломино предупредит его, если кто-то приблизится к хижине. Впрочем, он не ожидал гостей. Знай Луэлла точно, где живет Доусон, наверняка давным-давно поднялась бы сюда, чтобы предупредить.

Снова войдя в хижину, Диган увидел мальчишку на том же месте, где оставил его, лежащим на груде листьев. Правда, он поднял ноги как можно выше, чтобы ослабить давление веревочной петли на шее. Ничего страшного, если он не будет пытаться ослабить путы.

Диган сел и осторожно прислонился к стене, боясь, что если навалиться как следует, стена просто завалится. Через несколько секунд он уже спал.

Глава 7

Разбудил его тихий скрип дерева. Открыв глаза, Диган увидел, как Доусон тихо крадется к входу: седельные сумки в руках, пальто и шляпа уже надеты. Очевидно, Диган так утомился, что забыл проверить груду листьев, служившую бандиту матрасом. Очень зря. Листья могли скрывать много всякой всячины. Скорее всего, еще один нож.

– На твоем месте я бы не стал этого делать, – проворчал он.

Но мальчишка, не послушавшись, вылетел из хижины. Диган выругался и ринулся за ним, едва не споткнувшись о брошенные у порога сумки. Он не стал вынимать пистолет, хотя мишень ясно рисовалась в лунном свете. Никогда не стрелял человеку в спину и не собирался начинать. И у него было чувство, что Доусон слишком отчаялся, чтобы остановиться, даже если бы он выстрелил.

Парень не побежал за лошадью. Развернуть животное в пещерке, служившей укрытием, означало потерять слишком много времени. Он просто несся вниз по склону холма, к свободе, виляя между деревьями и, вероятно, надеясь, что Диган потеряет его из виду, он спрячется, а потом вернется за дошадью. И это вполне могло сработать. Здесь было полно деревьев, за которыми можно скрыться. Но парень был коротышкой, а у Дигана ноги длинные.

Он успел ухватить полу длинного пальто, развевавшегося за спиной мальчишки, и дернул на себя. Это могло бы остановить Доусона. Но юнец сбросил его на ходу, оставив в руке Дигана, и продолжал бежать. Диган отбросил вещь и вновь догнал Макса. На этот раз он схватился за жилет, но проклятый мальчишка проделал то же самое. Дигану достались лишь жесткая кожа и смех, донесшийся до него. Так Доусон планировал все это, расстегнув жилет на ходу? Невероятно! Похоже на жестокую шутку, и Диган был ее объектом.

Он не гнался так ни за кем, разве что в детстве, когда играл с приятелями. Со дня приезда на Запад он еще не попадал в ситуации, когда приходилось за кем-то гоняться. Его пистолет мог бы положить конец этой бессмыслице, но он так и не вынул оружие. И больше не попадет на удочку Доусона, поскольку парень, вероятно, уже расстегивал рубашку для третьей попытки.

– Сдавайся, щеголь! – заорал Макс, не оглядываясь. – Меня ты не поймаешь!

Диган с ходу свалил его на землю с такой силой, что у Доусона перехватило дыхание, учитывая разницу в весе. Парень лежал неподвижно, можно было подумать, что он без сознания. Или придумывает очередной трюк? Но Дигану надоели детские игры.

Шляпа парня скатилась ниже по склону холма. Когда он рухнул на землю, Диган встал с него, вцепился в взъерошенные светлые волосы и поднял Макса на ноги. Парень встал, размахивая кулаками. Диган снова толкнул его на землю и, опустившись на колено, удерживал вытянутой рукой, обыскивая карманы в поисках ножа, которым парень перерезал веревки. Он отбивался руками и ногами, но не мог достать лица Дигана, а тот едва ощущал удары в грудь, но его ужасно раздражали тычки коленями. Тут Макс решил сменить тактику и попытался сбросить руку Дигана с живота. И опять безуспешно.

– Я мог бы перерезать тебе горло, пока ты спал, но не сделал этого, – прорычал Макс.

– Два очка тебе, малыш.

– За твою жизнь? Это сто чертовых очков, если спросишь меня.

– Я не спрашиваю.

Нож не нашелся. Возможно, лежит в сапоге. Диган решал, стоит ли ему врезать парню, чтобы он отключился, и донести до хижины или рисковать получить сапогом в лицо, если заставить его снять обувь прямо здесь. И поскольку Доусон причинил ему немало беспокойства, он решил в пользу нокаута. Кроме того, сейчас это очень удобно сделать, пока он придерживает Макса рукой.

Но Макс заметил летевший в лицо кулак, повернулся на бок и прикрыл голову руками. Движение было таким внезапным, что кулак Дигана соскользнул вниз и коснулся чего-то мягкого.

От неожиданности он вскочил.

– Какого…

Малыш все еще корчился на земле, как девочка. О черт, только не это! Должно быть, кисет с деньгами или что-то в этом роде, спрятанный под рубашкой на груди Доусона, могли показаться тем, что он почувствовал. Он не желает иметь дело с проклятой девчонкой!

– Вставай! – прорычал Диган.

Парень поднялся, настороженно глядя на него. Диган схватил Макса за шиворот и повел к вершине холма. Он не стал поднимать сброшенную Максом одежду. Его трясло от бешенства. Да что там, он в жизни не злился так, как в эту минуту!

Диган втолкнул Макса в хижину и только тогда отпустил. Фонарь все еще горел. Теперь в темных глазах Макса плескался страх. Давно пора!

– Вот что сейчас будет, – тихо предупредил Диган. – Ты снимешь рубашку.

– Черта с два!

Макс пятился, пока не уперся в стену.

– Если я сделаю это сам, на твоей рубашке не останется ни единой пуговицы. Если это твоя единственная, тем хуже для тебя. Меня интересуешь не ты. Только то, что у тебя под одеждой.

– Ну есть у меня грудь, так что? Тебе необязательно ее видеть, когда ты уже коснулся…

– Никаких претензий и притворства, и не смей приказывать мне, парень! Покажи, или я увижу сам. Выбор за тобой.

Диган увидел влажный блеск в темных глазах, яростно смотревших на него. Он мог бы сжалиться, не будь так взбешен и раздражен. Если Макс девчонка, что ему с ней делать, черт возьми?

Рубашка расстегивалась очень медленно. Если бы не жажда убийства в ее взгляде, Диган подумал бы, что она его соблазняет. Она отвела полу черной рубашки, открыв грудь, небольшую, но достаточно пухлую и, по его мнению, невероятно красивую. Именно это заставило осознать, каким он был дураком, когда так долго обходился без женщины.

Она стала открывать другую грудь. Должно быть, он глазел на нее слишком долго. Если вначале она не старалась соблазнить его, делала это сейчас. Ему

стоило поймать ее на этом. Показать, что бывает, когда играешь с огнем. Но, может быть, она получит все, чего добивается?

Он отвернулся:

– Прикройся.

Неизвестно, послушалась ли, но она налетела на него со спины и принялась колотить:

– Счастлив, сукин сын? Это ни черта не меняет, как тебе хорошо известно!

Разве? Возможно, нет. Макс Доусон, женщина, все еще разыскивается за убийство и ограбление банка. Что бы сделал Джон Хейз при подобных обстоятельствах? Его обязанность, разумеется, арестовать и доставить ее в тюрьму, а уж дело суда решить, виновна она или нет.

Барабанившие по спине кулаки не сильно досаждали ему; он загораживал выход из хижины, потому не сразу обернулся к ней. Дал ей время застегнуть рубашку, а себе – забыть о том, что эта рубашка прикрывает. Когда он все же обернулся, Макс металась по крохотной комнате, пиная обрезки веревки и сухие листья – единственное, что можно было пнуть.

Фонарь стоял в переднем углу, справа от Дигана, веревка лежала слева, она и близко не подходила. Держалась от него как можно дальше. Хорошо, что он захватил целый моток. Придется использовать весь остаток.

– Сними сапоги, – велел он.

Она остановилась, чтобы пронзить его негодующим взглядом, но все же плюхнулась на пол и потянулась к сапогу.

– Конечно! Почему бы нет! Можно подумать, здесь недостаточно воняет!

Когда первый сапог был отброшен, на пол упала пара ножей. Третий оказался в другом. Диган покачал головой, не веря собственным глазам. Один нож точно был спрятан под листьями. Она не смогла бы сунуть руку в сапог, когда была

связана. Определенно, она соблюла все меры предосторожности, натолкав в сапоги столько оружия.

Он глянул на ее ноги и увидел поношенные серые носки в дырках. Интересно, снимала ли она сапоги до этого момента? И мылась ли вообще? Должно быть, да, потому что от нее не несло потом. Но наверняка не умывалась после дождя. Заляпанное грязью лицо выглядело маской и не самой красивой. Знала ли она, как выглядит? И есть ли у нее зеркало?

Теперь, когда он знал, куда смотреть, видел два бугорка под ее рубашкой. Жесткий кожаный жилет служил корсетом, расплющив и скрыв их. Дигану следовало бы собрать ее вещи, разбросанные по склону холма, и позволить ей надеть жилет. И все же он никак не мог принять тот факт, что под этим грубым, грязным обличьем скрывалась женщина.

Он обшаривал ее глазами. Широкая черная рубашка была заправлена в такие же широкие черные штаны, что делало ее талию и бедра бесформенными. Она правильно выбрала одежду, скрывавшую ее женскую фигуру. Он никогда не поверил бы, что Макс Доусон – женщина, если бы своими глазами не видел ее прелестные грудки.

Диган поднял все три ножа и выбросил за порог, прежде чем приказать:

– Можешь надеть сапоги, но оставайся на месте.

– У тебя доброе сердце, щеголь, – съязвила она.

Он поднял с пола обрезок веревки, достаточно длинный, чтобы связать ей руки за спиной. И хотя не мог заставить себя скрутить ее, как прежде, знал, что связанные руки помешают новой попытке сбежать.

Потому он взял остаток веревки и обернул ее руки и торс, толкнул к дальней стене и усадил так, чтобы девушка могла к ней прислониться.

– Беру свои слова назад. У тебя вовсе нет сердца.

– Заткнись, – глухо бросил он, – иначе привяжу тебя к дереву.

– Предпочитаю дерево, если это означает, что мне не придется быть в одной комнате с тобой.

– Я не предлагаю.

Диган хотел сесть рядом, чтобы покрепче ее связать, но передумал. Если он свяжет их щиколотки вместе, они будут вынуждены сидеть рядом и во сне она может свалиться на него и вымазать высохшей грязью.

Он вышел принести фляжку с водой. Вернувшись, протянул ее девушке. Та неохотно выпила. Он снял белый платок и тщательно намочил. Она попыталась увернуться от тряпки, но не хватило сил. Девушка упала на бок. Он поднял ее и снова усадил, чтобы докончить начатое.

– Мне понадобится платок, прежде чем ты потащишь меня в тюрьму.

Он поднял платок и показал, как он грязен.

– Сначала его надо постирать.

– Мне все равно, в каком он виде, – настаивала девушка. – Мне он очень нужен, и не затем, чтобы защитить лицо во время пыльной бури.

– Могу представить.

– Не можешь. Он мне необходим, чтобы скрыть отсутствие того бугорка на горле, как у тебя.

– Да. Я это уже понял. И этот бугорок называется адамовым яблоком.

– Можно подумать, что мне не наплевать, как это называется. Завяжи платок у меня на шее.

– Сделаешь это утром, когда он высохнет, – буркнул Диган, повесив платок на колышек в стене. А когда повернулся к ней, на мгновение замер. Он изо всех сил старался не смотреть на нее, когда обтирал платком. Но теперь было трудно не понять очевидного. Он не корил себя за то, что не заметил этого раньше.

Слишком много видел он безусых юнцов с девичьими лицами, чтобы понять, в чем дело, даже не будь Макс так грязен. Но теперь, когда грязь счищена, Макс Доусон был слишком красив.

Глава 8

Макс открыла глаза и сразу зажмурилась. Она не собиралась спать, потому что хотела в последний раз попытаться сбежать. Особых планов побега не было, разве что вывернуться из этой веревки и раздобыть один из ножей, которые ее тюремщик выбросил за порог. Он не проснулся раньше, когда она почти выбралась из хижины. Если бы не проклятые доски пола, наспех прибитые друг к другу, сейчас бы она была на свободе и мчалась в Мексику, а Ноубл летел бы, как ветер, и все ради нее. Она знала, что следовало вышвырнуть эти доски, когда перебралась в хижину, но так надоело спать на земле!

Она жалела, что пришлось покинуть домик, который нашла в Калифорнии. Там было так уютно, в ту первую зиму, когда она была в бегах, что она торчала там до осени и осталась бы еще, не возвратись владелец. Макс тосковала и по дому, из которого ушла почти два года назад. После того, как стали появляться объявления о розыске, она стала думать, что никогда не сможет вернуться. Но этот щеголь намерен отослать ее в Техас, на виселицу. И какого черта ему понадобилось, этому типу, одетому, как профессиональный игрок? Весь в черном, кроме белой рубашки, выглядевшей мягче, чем все те, которые у нее когда-либо были.

Он, к тому же, красив. Может, даже слишком. Высок, широкоплеч. Одежда сидит так, словно шилась у дорогого портного. Ни усов, ни бороды, но сегодня утром на лице виднелась темная щетина. Волнистые темные волосы, не длинные, но и не короткие. Непроницаемые серые глаза. Она один раз слышала его смех. Правда, он сразу замолчал, и она также видела, как он хмурится. И больше никаких признаков, что у него, как у всех нормальных людей, есть эмоции. Зато у него прекрасные оружейный ремень и кобура, просто глаз не отвести. Серебряная гравировка? Кто бы знал, что могут быть такие ремни! Или он любит похвастаться?

Мужчины, которые так одевались, только прибыли с Востока, но зеленые молокососы не носили пистолетов таким образом, словно умели с ними обращаться. Этот же слишком модно одет, слишком уверен в себе. А когда хмурился, мог запугать до смерти любого. Но из-за невозможности сбежать она была слишком зла, чтобы бояться.

Он все еще спал рядом с ней, спиной к стене, слегка согнув ноги. Когда она попыталась встать, сразу поняла, в чем дело. Дьявол! Едва она заснула, он связал их ноги вместе! Ее были вытянуты. Он не мог вытянуть свои, не оттащив ее от стены! И проснулся бы, стоило бы ей пошевелиться! А может, и нет – он жаловался, что прошлой ночью очень устал.

Судя по свету, проникающему через дверной проем, солнце едва встало, а ему все еще не удалось выспаться.

Она нагнулась посмотреть, нельзя ли высвободить ногу из обмотанного веревкой сапога. Ничего не получилось. Веревка была туго затянута. Макс чувствовала, как она сдавливает щиколотку сквозь обувь.

– Сколько тебе лет, Макс?

Она слегка поморщилась, испугавшись неожиданно раздавшегося голоса:

– Какой сейчас месяц?

Он фыркнул, словно сомневаясь, что она не знает. Макс заскрипела зубами. Какая досада, что он уже проснулся! Теперь с побегом ничего не выйдет, разве что убедить щеголя отпустить ее. Но она боялась, что вместо уговоров просто зарычит на него! Он опережает ее на каждом шагу. Никому это раньше не удавалось, даже старому ублюдку Карлу Бингему, который вовлек ее в эту историю, подохнув в тот момент, когда вовсе не должен был умирать.

Она по-прежнему не знала, что случилось. Потому что до сих пор не встретила того, кому могла бы довериться. Того, кто мог бы помочь переправить письмо ее бабушке. Так было до того, как она приехала в Хелену. Подружившись с Луэллой, она наконец написала бабушке и попросила послать ответ на адрес Луэллы, которая передаст ей письмо. Она ожидала его со дня на день! Но теперь ничего не получит, и все из-за него!

Макс была так зла, что могла сорваться на крик, и слишком взбешена, чтобы смотреть на своего тюремщика. Но он ничего не сказал, только спросил о ее возрасте, потому она прислонилась к стене и честно ответила:

– Если сейчас июль, полагаю, мне двадцать лет. Если еще нет, то скоро будет. Не пыталась запоминать числа, только времена года. И с прошлого года не видела газеты. Почему бы тебе не держать свой скептицизм при себе?

– Ты бросаешься такими словами, как «скептицизм», и все же коверкаешь английский. Где ты выросла?

– В Техасе, и если ты отошлешь меня туда, то, считай, убьешь. Вынесет ли это твоя совесть?

– Не уверен, что у меня есть таковая.

Он подался вперед и развязал их ноги, после чего встал. А вот она, со все еще связанными за спиной руками и веревкой, обмотавшей предплечья и торс, не могла стоять не шатаясь, и потому предпочла сидеть. Мужчина схватил со стены белый платок и бросил ей на колени, словно намекнув, что развяжет руки, чтобы она надела его. Но вместо этого вышел из хижины.

Она встала, как могла быстро, и ринулась к дверному проему. Его нигде не было видно. И ее ножей – тоже. Зато ее конь был здесь, но он расседлал его прошлой ночью, так что, пока руки и тело перемотаны веревкой, она не сможет сесть на него.

Макс попыталась растянуть веревку на запястьях, чтобы вытащить руку.

– Почему ты назвалась Максом Доусоном?

Она разочарованно вздохнула. Ее тюремщик выходил только для того, чтобы облегчиться.

– Я ничего не выдумывала. Меня назвали в честь отца, Максуэлла Доусона, поскольку я оказалась первенцем, и не было уверенности, что у него когда-нибудь появится сын, хотя малыш родился через несколько лет. Меня зовут

Максин, но в семье всегда называли Макс, а жители Бингем-Хиллз, где мы жили, знали меня только как Макс, вероятно, именно потому это имя стоит на объявлениях о розыске.

– Но почему ты продолжаешь одеваться, как мужчина? Неужели не думала, что женское платье скроет тебя от властей лучше, чем любое убежище?

– Да, я подумывала об этом, – призналась она. – Но разве тебе не ясно, что одинокой женщине куда опаснее находиться среди мужчин, чем парню, похожему на бандита? Кроме того, никто не принимает всерьез девушку с пистолетом. А мне нравится иметь при себе пистолет. Я чертовски хорошо с ним управляюсь, знаешь ли. Повезло тебе, что успел выхватить его раньше.

– А твои волосы? На объявлении твой портрет с короткими волосами.

– Я остригла их гораздо раньше, чем пришлось покинуть Техас. Но бабушка стригла их куда более умело. Считала что это делало меня не такой привлекательной для мальчишек, вечно отиравшихся у нашего дома. Но не помогло.

Он кивнул, словно соглашаясь с тем, что короткие волосы портят ее. Но с таким лицом трудно оставаться незамеченным. С тех пор, как Максин покинула дом, надев одежду брата, приходилось носить широкополую шляпу, мазать лицо грязью и представляться Максом, чтобы люди принимали ее за смазливого мальчишку. Даже Луэлла ничего не поняла и во время второй встречи пришлось сказать ей правду.

Словно прочитав ее мысли, он спросил:

– Учитывая все вышесказанное, как же ты повстречала такую, как Луэлла?

Макс широко улыбнулась:

– Да уж не совсем обычным путем. Я спасла ее в ту ночь, когда впервые появилась в Хелене. Обычно она не покидает борделя, во всяком случае, ночью и одна. Но другая девушка из борделя заболела. Луэллу послали за доктором, а трое пьяных бродяг, решивших с ней поразвлечься, потащили бедняжку в

темный переулок. Я избегала главной улицы и пробиралась задворками. Будь все иначе, я, возможно, не услышала бы ее криков.

– Ты разогнала троих? Или просто пристрелила? – удивился он.

– Даже стрелять не пришлось, – фыркнула она. – Пусть я выгляжу юнцом, но опасна, как любой мужчина с пистолетом наготове. Они сбежали, а я проводила Луэллу в бордель. Я впервые оказалась в таком месте, и мне было очень любопытно, настолько, что я проводила ее в комнату, когда она меня туда пригласила. Может, собиралась отблагодарить меня обычным способом. Когда вспоминаю это, кажется ужасно забавным, как быстро я оттуда сбежала.

– Так она не знала, что ты девушка?

– О, зато теперь знает и хранит мою тайну. Но в ту ночь не знала. Мне было не по себе из-за того, что бросила ее без объяснений, поэтому я вернулась на той же неделе, после того, как нашла эту хижину. У нее был выходной, и мы проговорили всю ночь. Никогда раньше не находила подругу так быстро. Черт, да она моя единственная подруга, с тех пор как я сбежала из дома. И раз в неделю, когда у Луэллы выходной, она позволяет мне спать в своей постели. Я так скучаю по мягкой перине, – ухмыльнулась Макс.

Негодяй встал перед ней, но ей казалось, что он над ней навис. Макс была довольно высокой для женщины, пять футов восемь дюймов, но он был выше на целую голову. Она не доставит ему удовольствия, посмотрев на него снизу вверх!

Макс вернулась в хижину.

Он поднял платок, упавший с ее колен, когда она встала, и последовал за ней. Макс повернулась, надеясь, что он разрежет веревки на ее запястьях. Но напрасно. Он накинул платок ей на шею и собственноручно завязал, отчего Макс заскрипела зубами. Неужели он так и оставит в лесу ее пальто и шляпу? Она не сможет их надеть сама, пока связаны руки.

– Почему в объявлениях не указано, что ты женщина?

Макс пожала плечами, но он стоял слишком близко и, должно быть, не заметил. Потому она ответила:

– Эти объявления рассылаются из Бингема, штат Техас. Местные жители хотят меня вернуть. Может, решили, что если предложить так много денег за женщину, по моим следам ринутся не только охотники за головами, но и законники, если понимаешь, о чем я. Заметь, это только моя догадка. Но я рада, что они по какой-то причине опустили эту крошечную деталь, или пришлось бы кого-нибудь убить по-настоящему.

– Это твой способ убедить меня, что ты пока еще никого не убила? – спросил он, все еще стоя у нее за спиной.

– А получилось?

Сегодня утром этого типа так и разбирает любопытство. Но на этот вопрос он не позаботился ответить, вместо этого спросил сам:

– У тебя здесь есть какая-нибудь еда?

Прежде чем сказать, она еще дальше отодвинулась от него:

– Ничего. Если я голодна, обычно охочусь в лесу.

– Ты ешь одно мясо?

Похоже, он голоден. Ее отчаянный порыв соблазнить его прошлой ночью не сработал, да это и неудивительно, если вспомнить, какая она грязная и злая. Слава богу, что не успела подумать о том, что случилось бы, если бы ей это удалось. Но еда! Бабушка любила повторять, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок. В ее седельных сумках есть даже кое-какие пряности, и она сможет использовать их, чтобы приготовить нечто особенное!

Повернувшись, она робко улыбнулась.

– Мне небезопасно покупать продукты в городе. Но если ты голоден, я могу кого-нибудь подстрелить.

– Ты и твое ружье расстались навсегда, – обронил он.

Макс снова сжала зубы. Больше она не попытается взывать к его доброму сердцу, потому что у него, очевидно, сердца нет. Придется сбежать по пути в Техас, куда он повезет ее на суд. Если суд вообще состоится. Обвинение в убийстве любимого всеми основателя Бингем-Хиллз, также бывшего мэром городка, владевшего большей его частью и поддерживавшего половину жителей… нет, она не дождется суда. Ее сразу пошлют на виселицу. А Макс даже не убивала этого ублюдка!

Глава 9

Невероятно!

Макс так и кипела. Этот негодяй тащил ее за собой на проклятой веревке, словно животное! Отвязал конец и вцепился в него! Сначала привел ее лошадь, привязал у хижины, а потом стащил девушку с холма взять пальто и жилет.

А вот шляпы нигде не было видно. Поискав всего пять минут, он махнул рукой. Макс изнемогала от бешенства. Ему следовало собрать ее вещи прошлой ночью, а не ждать, пока ветер унесет шляпу!

– А как тебя называют, щеголь? – процедила она, когда они снова стали подниматься наверх. – Хочу знать, кого убью, когда освобожусь!

– Диган Грант, – сообщил он, не оглянувшись.

Макс едва не поперхнулась:

– Ну и дела! Наемник!

На это он вообще не ответил. Но кто будет называться чужим именем? Говорили, что он лучше всех в стране владеет оружием, но Макс напомнила себе, что сплетни редко бывают правдивы. Вот она блестяще владеет оружием, лучше,

чем он. Только у нее не было шанса это доказать.

Вернувшись в хижину, он и не подумал развязать ее или хотя бы отпустить веревку, когда отправился седлать коня. Все, что она могла делать, – стоять и наблюдать. Это было не так уж неприятно. Она невольно залюбовалась его могучим торсом, длинными ногами и распиравшими пиджак плечами. Диган Грант был прекрасно сложен. Почти идеально. Неудивительно, что она пыталась обольстить его, чтобы вырваться на свободу. И если бы добилась успеха, возможно, ни о чем бы не жалела. Достойный обмен: ее девственность за жизнь. Но она еще не была готова совершить этот обмен.

Интересно, есть ли у него милашки в тех городах, через которые он проезжал?

Эта забавная мысль вызвала у нее улыбку. Если он воспользовался чужим именем, это вполне могло быть правдой. Но если он действительно тот самый пресловутый стрелок Диган Грант, это может быть правдой, только если он никому не открывает своего имени. Какая женщина захочет мужчину, которому суждено умереть молодым? Или имеющего репутацию человека крайне опасного? Правда, она могла понять, почему женщин тянет к таким красавцам. Но влюбиться в него? Невероятно! Он из тех, кого бабушка называла сердцеедами.

– Ты находишь что-то забавное в своем положении? – осведомился он.

– Черт побери, нет! Но я – натура добродушная. Иногда даже смеюсь в одиночестве. Если на ум приходит что-то смешное.

Она хотела постучать себя по голове, но горестно охнула, вспомнив, что не может двигать руками.

– Но ты пробудешь в моем обществе недостаточно долго, чтобы заметить это. Слава богу!

– Так ты воображаешь, что можешь сбежать? – весело спросил он, хотя лицо оставалось серьезным.

– Я думаю, что тюрьма Хелены меньше чем в часе пути отсюда.

– Именно так. И почему ты ухмыляешься?

Макс была раздражена настолько, чтобы сказать правду:

– Твое имя. И то обстоятельство, что тебе, скорее всего, сложно покорить женщину после того, как она его услышит.

– Им нет нужды слышать его, когда от меня так и несет смертью, – бесстрастно ответил он.

– В самом деле? Так при виде тебя они удирают? Вот об этом я не догадывалась.

– Почему?

– Ну… если я и убежала бы, то не поэтому. Ты, щеголь, – смертный приговор, нависший над моей головой. Этого более чем достаточно, чтобы никогда тебя не видеть.

Он стал разматывать веревку, стягивавшую ее руки, и снова сматывать в клубок. Потом повернул спиной к себе. Она предположила, что сейчас он перережет ее путы ножом, но опять ошиблась. Он долго развязывал узлы. Хочет еще раз использовать веревку? Чертов щеголь подумал обо всем!

– Тебе нужно облегчиться перед отъездом?

– И ты отпустишь меня в кусты одну? – ахнула она.

– Нет.

Макс решила, что скоро сломает зубы, которые сжимала так часто.

– Ни за что, – прорычала она. – Я скорее намочу штаны. Лучше это, чем ты будешь стоять надо мной!

– Можешь воспользоваться хижиной. Все равно ты сюда не вернешься, так что это значения не имеет.

Макс удивилась. Так под этой устрашающей маской кроется джентльмен?

Но она не дала ему возможности передумать; когда стала растирать руки, едва не заплакала от боли и поспешила в хижину, пока он седлал Ноубла. Ее гнедой мерин был спокойной скотинкой. И всего лишь раз оглянулся на Дигана, прежде чем полностью стал его игнорировать.

Когда Макс снова вышла из хижины, ее жилет и пальто уже были перекинуты через седло лошади Дигана. Довольная, что одежду вернули, она решила одеться, но когда подошла ближе, его лошадь попыталась укусить ее. Ей так и хотелось ударить наглого коня по носу, но щеголю это не понравится, даже если удар будет несильным. Поэтому ей пришлось пробубнить несколько ласковых слов и пару раз нежно погладить животное, чтобы забрать одежду.

Макс быстро натянула жилет, застегнула его, накинула пальто. Обычно летом она пальто не носила – было жарко. Она надевала его только когда бывала на людях, а теперь ее поведут через весь город. Чем больше одежды закрывает ее грудь, тем лучше. Но без «кольта» в кобуре она чувствовала себя голой, потому что так много времени провела с ним. Даже разряженный пистолет мог остановить врага. Но Диган не отдаст ей оружие.

Собираясь залезть на коня, она увидела Дигана, стоявшего рядом с сараем, и рассмеялась. Оказывается, он все это время целился в нее из пистолета!

– Я не собиралась сбегать с твоей лошадью.

– Он бы тебе не позволил.

– Хочешь пари? – улыбнулась она.

Он не обратил на это внимания.

– Если у тебя здесь что-то спрятано, самое время сказать.

– У меня нет ничего, что стоило бы прятать.

По привычке она схватила холодный котелок и решетку с погасшего костра, чтобы сунуть в седельные сумки, уже притороченные к седлу, но тут же поняла, что вряд ли будет готовить там, куда едет. Ужас грядущего больно обжег ее. Тюрьма, а потом клетка, в которой ее повезут в Техас, чтобы повесить за убийство, которого она не совершала. Она видела фургон для перевозок заключенных по дороге в Юту. И клетка была крошечной.

Повернувшись, она посмотрела на своего тюремщика. Холодное отчаяние охватило ее.

– Не делай этого. Тебе не нужна награда. Ты сам это знаешь! Отпусти меня!

Дуло пистолета все еще смотрело на нее, очевидно, потому что она не была связана и стояла рядом со своим мерином.

– Пока что тебе удавалось увернуться от охотников за головами, но теперь за тебя взялся маршал. Я нашел тебя легко, а ведь не умею выслеживать людей. Зато маршал Хейз умеет.

– Но я невиновна!

– В таком случае, должна радоваться, что сможешь доказать это в суде.

– Никакого суда не будет, если Карл Бингем действительно умер.

– Если?

Она поспешно закрыла рот. Разговаривать с ним – все равно что толковать с ослом. И как она может объяснить, что убитый человек может оказаться жив? Вероятно, ему попросту все равно. Для него она всего лишь крупная награда и средство отдать долг своему другу-маршалу.

– Хорошо. Я поеду добровольно, если сделаешь мне одолжение.

– Я уже сделал тебе одолжение, – напомнил он. – Не пристрелил.

– А я не перерезала тебе горло вчера ночью, хотя могла бы. Но ты получишь за меня огромные деньги. Так, по крайней мере, мог бы сначала сделать мне крошечное одолжение.

Она даже выдавила несколько слезинок, чтобы умаслить его, но он лишь вскинул черные брови:

– Не трудись. Слезы на меня не действуют.

Он не выказал презрения, разгадав ее усилия манипулировать им. Но и не повеселел. Неужели работа наемником так ожесточила его, что он потерял способность чувствовать? Зато она эту способность сохранила. И сейчас широко улыбнулась, чтобы это показать.

– Вот это уже облегчение! Я сама их ненавижу. Но сам понимаешь, должна была попытаться.

– Разумеется.

– Вот что я хотела сказать, – продолжала она. – Прошло почти два года с тех пор, как я покинула дом, и все это время не знала, как живут мои родные. И не могла сообщить им, что жива. Однажды я прокралась к дому, но там были три помощника шерифа. И я не могла подобраться ближе, чтобы поговорить с бабушкой. Я даже ждала в лесу, надеясь, что брат поедет охотиться. Но вместо него появились незнакомые люди из города, и я не могла задерживаться надолго, тем более что Джонни мог выбрать не эту дорогу. Он, в отличие от меня, никогда не любил охотиться. Я не стала рисковать, послав письмо в Бингем-Хиллз со своим именем на нем или попросить кого-то переслать ответ, потому что не встретила никого, кому могла бы довериться… до недавнего времени.

Все еще целясь в нее одной рукой, он быстро отвязал Ноубла другой.

– Я не остаюсь на одном месте достаточно долго, чтобы получать письма, да и ты вряд ли пробудешь в Хелене столько времени. Садись в седло, – добавил он, взяв поводья Ноубла.

– Я не просила тебя об этом. Луэлла – первый друг, который появился с тех пор, как я уехала из Техаса. Она отослала мое письмо месяц назад. Я ожидала, что получу ответ бабушки, когда в последний раз навещала ее. Этого не случилось, но сейчас, возможно, письмо уже у нее. Не мог бы ты остановиться у борделя, узнать, так ли это, и дать мне возможность попрощаться с Луэллой?

Он не сказал «да», но и не сказал «нет», поэтому она придержала язык, когда они начали спускаться с холма. Макс удивилась, когда он не связал ее снова, видимо, посчитав, что достаточно держать поводья ее лошади, чтобы она никуда не делась. Может, и так, но она все еще думала над возможностью побега. Если пришпорить Ноубла и пустить в галоп, поводья вырвутся из руки Гранта, даже если он будет их держать. Но он мог привязать их к луке седла. Трудно сказать, так ли это: все загораживает его широкая спина. Зато ее спина в этом случае станет прекрасной мишенью. Или он может застрелить Ноубла.

И словно конь мог понять ее мысли, она нагнулась, почесала его холку и прошептала:

– Не волнуйся, я не сделаю ничего, чтобы навлечь на нас пулю.

Хорошо бы все пули полетели в Гранта!

Он приторочил ружье к ее седлу. Возможно, потому, что на его седле не было специального кольца для ружей. Наемные стрелки не имели дела с ружьями, и она была готова поставить на кон свою лошадь, что Диган Грант никогда не нуждался в таковом, чтобы раздобыть охотой еду. Наверняка останавливался поесть в любом городе, через который проезжал, а вот ей приходилось огибать населенные места. Она была уверена, что ружье разряжено, даже не потрудилась проверить это. Зато осторожно отклонилась назад, чтобы пошарить в седельной сумке, где хранила запасы патронов. Но ее постигла неудача. Он и это предусмотрел! Но она могла подъехать к нему достаточно близко, чтобы огреть по голове прикладом.

– Подбери свою шляпу, только не наделай глупостей. Я не намерен убивать тебя, но без зазрения совести всажу пулю в ногу, если снова попытаешься бежать.

Макс опустила глаза и увидела свою шляпу, лежащую на земле между ними. Она и забыла о ней. В отличие от него. Макс быстро подняла ее и снова вскочила в

седло. Они уже почти покинули холмистую местность. Солнце оседлало вершину Биг-Белт на востоке. Макс вдруг почувствовала голод. Сколько ей придется ждать еды в тюрьме?

Черт, она так умело избегала людей, не считая фермеров, у которых меняла свежую дичь на овощи, зелень и патроны. Диган, вероятно, думал, что она ест только мясо и ягоды. Но это не так. Она знала, как выживать самостоятельно. Вот только вместе с самостоятельностью пришло одиночество, с которым не всегда было легко справиться. Поэтому она немного ослабила бдительность в Хелене: была очень счастлива иметь подругу. И пробыла здесь дольше, чем следовало бы.

Диган повел лошадей дорогой, которой обычно въезжала в город Макс. Возможно, путь пройдет мимо борделя Луэллы. Возможно.

Она старалась не питать слишком больших надежд. Но если они проедут мимо и он не остановится, она определенно спрыгнет с лошади. А вдруг он не заметит, как она проскользнет в двери заведения мадам Джо?

Но он остановился, спешился и привязал лошадей к столбу. Макс, не веря глазам, тоже спешилась. Медленно, слишком медленно. Он схватил ее за плечо и толкнул к двери борделя. Она стала подниматься по ступенькам, но оглянулась проверить, стоит ли Диган у двери. И вопросительно на него уставилась.

Тот кивнул:

– Десять минут, малыш. Если я пожалею о своем одолжении, тебе это не понравится.

Неужели он собирается ждать ее в гостиной?

Макс, вне себя от восторга, ринулась наверх.

Путь к побегу открыт!

Глава 10

Макс не сумела бесшумно закрыть дверь в комнату Луэллы. Она не хотела громко стучать, но слишком быстро вбежала, и дверь захлопнулась. Шум разбудил Луэллу. Она перевернулась на спину и даже улыбнулась, но тут же широко раскрыла глаза.

– Что стряслось? Обычно ты не…

– Мне нужен твой пистолет, – перебила Макс.

Луэлла кивнула в сторону бюро:

– Верхний ящик. Но где твой?

– Его забрали, когда схватили меня. Кое-кто пробрался в мою хижину, и у меня всего минута, чтобы сбежать отсюда, или он потащит меня в тюрьму.

– О боже, стрелок! Он нашел тебя?

– Да.

– Но я послала его к Биг-Белт! Была уверена, что он неделями будет бродить по лесу, пытаясь тебя найти, и я смогла бы предупредить тебя на следующей неделе.

– Полагаю, он доверяет тебе не больше, чем мне, – буркнула Макс, сунув маленький «дерринджер» в карман пальто.

Луэлла соскочила с постели и открыла еще несколько ящиков комода.

– Подожди. Я дам тебе сменную одежду. Ты ужасно грязная!

Макс хмыкнула, представив, как ускачет почти полуголой, в платье с огромным вырезом.

– Лу, у меня нет времени. Разве что для этого.

Она наспех обняла Луэллу, но та не хотела ее отпускать. Как она будет скучать по этой девушке! И расплачется в тот момент, когда выберется отсюда.

В последний раз обняв Луэллу, она метнулась к окну.

– Не наделай глупостей, Макс. Этот стрелок выглядит уж очень опасным.

– Не наделаю, если буду действовать быстро. Я отдам тебе пистолет, как только уверюсь, что он покинул город.

Она уже вылезала из окна, когда Луэлла крикнула ей вслед:

– Подожди! Это пришло вчера.

Схватив письмо с тумбочки, она подбежала к Макс. Та с сияющей улыбкой сунула письмо в другой карман.

– Спасибо. Если там хорошие новости, я смогу вернуться домой.

– Я буду скучать, – грустно прошептала Луэлла, но Макс уже скользила по крыше крыльца. Как обычно, свесилась с боковой стороны, подождала немного и спрыгнула на землю. И оторопела. Между ней и лошадьми стоял Диган, до которого было меньше фута. Последний чертов шанс удрать от него, и он снова ее перехитрил!

– Не слишком радуйся…

Она сунула руку в карман, но заметила в его руке пистолет, и потому добавила:

– Ладно, можешь погладить себя по головке. Только скажи, как ты догадался?

– Если бы ты немного подумала, прежде чем так опозориться, уже знала бы ответ. Думаешь, я расспрашивал всех в городе, какой бордель ты посещаешь и в какое окно предпочитаешь вылезать?

– Ты видел меня?! – завопила она. – Почему же тогда не остановил?

– Потому что маршал Хейз еще не попросил меня об одолжении. Я просто увидел счастливого мальчишку, покидавшего… подругу.

К бешенству и ярости прибавился стыд.

– Почему же позволил мне идти туда одной? Чтобы испытать?

– Полагаю, будь это так, я был бы разочарован.

– Это шутка? Словно ты способен что-то чувствовать. Скажи, что не сделал бы того же самого, окажись на моем месте?

– Сбегать через окно? Нет, я вряд ли выбрал такой способ, но у меня в распоряжении есть другие, которых нет у тебя.

– У меня не было выбора!

– Ты получила одолжение, о котором просила. Может, оставим все споры? И ты вылезла в окно, кое-что позаимствовав перед этим. Отдавай оружие своей подруги.

– Ничего я не заимствовала, – буркнула она, отступив.

– У тебя дурная привычка – вечно лгать.

Он схватил ее за лацкан пальто и сунул руку в карман. Макс стала молотить его кулаками, но он вытащил «дерринджер» вместе с бельем, которое Луэлла вручила ей, когда они обнимались на прощанье. Макс даже не смутилась, когда он положил добычу в свой карман, и всадила кулак ему в щеку. Но тут же выругалась, понимая, что ее руке досталось сильнее, чем его скуле. Очевидно, для Дигана это стало последней каплей, потому что он закинул ее на плечо.

От изумления Макс потеряла дар речи. На секунду. Но тут же стала вопить, извиваться, размахивать руками, колотить его по спине. Вот только ее удары ничуть не волновали Дигана. Потому она сдалась и просто придерживала шляпу

руками.

– Если будешь извиваться, все поймут, что ты девчонка, – предостерег он безучастным тоном, который Макс уже ненавидела.

– Можно подумать, теперь это имеет значение!

– Ну, значит, будешь выглядеть полной дурой, не так ли? – усмехнулся он.

Она успокоилась. Должно быть, Диган успел схватить поводья коней, потому что она услышала топот копыт.

В такой унизительной позе он пронес ее два, а может, три квартала. И каждый раз, когда она пыталась извернуться, чтобы посмотреть, куда идет Грант, он подкидывал ее на плече так, что у нее дух захватывало, поэтому она прекратила стараться. Макс так и не поняла, куда он направляется. Она не знала, где находится офис шерифа, но не могла поверить, что он внесет ее туда в таком виде.

Диган вошел в здание, и все разговоры резко прервались. Он медленно, слишком медленно позволил ей соскользнуть по своему телу, и она вдруг почувствовала в нем не врага, а мужчину. Ощутила прикосновение мускулистой груди к ее грудям, словно они обнимались, вдохнула запах его волос и шеи. Эта близость лишала ее равновесия. Она не привыкла к объятиям мужчины.

Макс охнула, почувствовав, как пальцы Дигана медленно скользят по ее ягодицам, а потом по спине. Прикосновение было таким интимным, что в животе стало горячо, а дыхание участилось. Но она сразу поняла, что он делает. Ищет оружие!

– Мог бы просто спросить, – прошипела она, когда ее ноги, наконец, коснулись земли.

– Бесполезно спрашивать тебя о чем-то, – усмехнулся он и слегка оттолкнул ее. От страха упасть у Макс перехватило дыхание. Но она приземлилась на стул, к которому он ее подвел. Она фыркнула, но оглядевшись, поняла, что они в ресторане. За столиками завтракали девять человек. Они снова стали

переговариваться, но Макс заметила, что все избегают смотреть в сторону Дигана. Трое даже встали и поспешили выйти. Некоторые глазели на Макс. Еще бы, ее бояться нечего!

Она подвинула стул ближе к столу и жизнерадостно спросила:

– Платишь ты? У меня ни цента.

Он не сел.

– Снимай сапоги.

– Опять?!

– Ты права. Я сделал ошибку, позволив тебе идти к Луэлле одной.

– Клянусь…

– Я уже понял, что ты все время врешь. И только что сделала это снова, когда сказала, что у тебя нет ни цента. Я видел деньги в твоих седельных сумках.

– Они не мои. Я скорее умру с голоду, чем потрачу эти деньги.

– Сильно сказано, – сухо заметил он и, показав на ее ноги, повторил: – Просто сними сапоги, вытряхни и снова надень. Пока не сделаешь этого, не поешь.

Макс что-то пробормотала себе под нос, но отодвинула стул и сделала, как было приказано. Поразительно, что он собирался покормить ее, прежде чем сдать шерифу. Наверное, следовало быть благодарной, но она не могла смотреть на него иначе, чем как на самый жуткий кошмар. Невозможно благодарить кошмар за причиненные муки.

Когда она снова придвинулась к столу, Диган подошел сзади и снял ее шляпу. Она принялась протестовать, но заметила, что он снял и свою черную шляпу и повесил на вешалку, стоящую в углу, что снова выдало в нем джентльмена. Бабушка всегда сбивала с младшего брата шляпу, прежде чем позволить Джонни сесть за стол. Макс знала, что брату всего лишь хотелось позлить

бабушку. Боже, как она по ним тосковала! Они все, что осталось от ее семьи.

Макс потянулась было за письмом, но, хоть она и умирала от желания узнать, что написала бабушка, это слишком личное, чтобы читать в присутствии бездушного стрелка. А вдруг она заплачет? Настоящими слезами… Нельзя позволить дать ему понять, что иногда она тоже может быть мягкой.

Прежде чем вернуться к столу, Диган провел рукой по темным волосам. Макс не потрудилась сделать то же самое, зная, что ее волосы все равно невозможно привести в порядок. У нее даже больше не было расчески. Прежняя давно сломалась, и она так и не купила новую.

Он все еще не сел.

– Я возьму твое пальто.

– Ну уж этому не бы…

– Здесь тепло, – заметил он. – И тебе больше ни к чему скрывать, кто ты, или до тебя еще не дошло?

Если вспомнить, что именно она ощутила, соскальзывая с его плеча, он прав, но Макс решительно отрезала:

– Дошло, но не смей думать так обо мне!

– Как?

– Как о девушке.

Он ничего не ответил. Только глаза закатил. По крайней мере, она была уверена, что закатил бы, если бы оттаял настолько, чтобы показать свои чувства. Но он промолчал и сел справа от нее, лицом к обеим дверям в зале. Осторожничает, независимо от того, где находится? Или всегда ожидает неприятностей? Возможно, последнее, учитывая, что род его занятий был ясен с первого взгляда.

Диган подозвал официанта и сделал заказ на двоих, не спросив, чего хочет она. Но Макс было все равно. Она так давно не была в ресторане, что станет радоваться любому блюду.

– Скажи, почему ты считаешь себя невиновной?

Макс застыла, уставившись на него. Он же говорил, что ему все равно, виновна она или нет, что его дело – доставить преступницу в тюрьму, а не решать ее судьбу. Так почему он спрашивает, если не верит ни единому ее слову?

Глава 11

– Играешь со мной, щеголь? Мы оба знаем, что тебе плевать, почему я пошла по этой дорожке, – выпалила Макс и плотно сжала губы. Если воспитание Дигана требовало завести вежливую беседу за столом, пусть найдет другую тему, которой можно ее донимать.

– Именно это вы скажете на суде, мисс Доусон?

– Не называй меня так, – прошипела она. – И я уже сказала: суда не будет. Жители этого города хотят вернуть меня, чтобы повесить.

– Почему?

– Потому что Карл Бингем, человек, в убийстве которого меня обвинили, был основателем Бингем-Хиллз, а заодно владельцем и мэром, и лучшим другом всех жителей, кроме меня. Он сдавал дома большинству горожан и был крайне снисходительным хозяином, все его любили. Даже я когда-то им восхищалась. Нужна немалая сила воли и отвага, чтобы выстроить город в такой глуши, когда до ближайшего форта день езды на резвой лошади, а потом надеяться, что туда придут жить люди. Карл расклеил объявления о новом городе по всему Востоку и не разорился в ожидании, пока там появятся жители. Он уже был богат, когда приехал в Техас, и сначала не стремился стать еще богаче. Может быть, потом, когда стал расширять границы города. Ему хотелось оставить наследие, выстроить мирный, процветающий город на том месте, которое когда-то было

совсем не мирным. Большинство людей считают, что ему это удалось.

– Поэтому ты его убила?

Она пристально взглянула на него:

– Так ты хочешь услышать мой рассказ или нет?

Он не ответил, но его взгляд был куда красноречивее, поэтому она неохотно продолжила:

– Пока я росла, жизнь в Бингем-Хиллз была прекрасна. У меня было много друзей, девчонок и мальчишек, с которыми я ходила в школу. У нас было столько развлечений: охота, рыбалка, лошади. Я даже училась шить и ходила в кружок, хотя шитье мне давалось плохо. Но мы больше сплетничали, чем шили, и много смеялись. Но все изменилось, когда мне исполнилось шестнадцать, потому что мальчишки не оставляли меня в покое. Тогда я округлилась и отрастила длинные светлые волосы. Я говорила, почему их остригла, но это не замаскировало мои другие достоинства…

Его взгляд упал на ее жилет, отчего Макс слегка покраснела.

– Потому что бабушка настаивала, чтобы я одевалась, как полагается девушке, в юбки и блузки, кроме времени, когда я охотилась. Мальчишки продолжали толпиться у меня под окнами, а мои подружки завидовали и перестали со мной разговаривать. Бабушка то и дело разгоняла парней метлой, а мой брат Джонни прятался в кустах и стрелялся в них камнями из рогатки. Но даже это не мешало им постоянно ошиваться у дома.

– Так ты не всегда носила пистолет?

– Господи, конечно нет. Мне бы в голову не пришло цеплять пистолет на пояс юбки… Тогда.

Она грустно усмехнулась:

– В семье я была охотником… после того, как па уехал и больше не вернулся. Я никогда не носила ружья в городе. Но всегда хранила маленький пистолет в кармане юбки, когда Бингем-младший стал гораздо более настойчивым, чем остальные: повадился бросать непристойные замечания и приставать, когда мне исполнилось шестнадцать.

– Мэр?

– Нет, его сын, Эван. Когда-то мы вместе с ним и его лучшим другом Томом ходили на рыбалку, пока Эван не стал хвастаться, что я выйду за него, потому что так сказал Карл. Я не верила, что мэр мог сказать такое, но после этого избегала Эвана и его дружков. Тогда он стал просить меня выйти за него. В тот год он сделал предложение в восьмой раз. Я не согласилась бы, даже если бы в то время не ухаживала за молодым человеком, недавно приехавшим в город.

– Что ты делала?!

Макс недоуменно уставилась на него:

– Мне действительно следует объяснить, что такое ухаживание?

– Думаю, не мешало бы.

– Я не говорю, что просила Билли Джонсона жениться на мне, если ты это имеешь в виду. Я, конечно, человек дерзкий, но не настолько. Правда, Билли уехал из Бингем-Хиллз прежде, чем мне исполнилось семнадцать, и тогда сам мэр попросил меня выйти за него замуж. Наверное, мне не следовало смеяться над предложением старого дурака.

Диган вскинул брови:

– Сколько лет ему было?

– Черт, он старше бабушки лет на десять! Даже она расхохоталась, когда я обо всем рассказала. Эван – поздний ребенок. Ходили слухи, что Карл сменил четырех жен, пытаясь получить ребенка, пока, наконец, ему это удалось. Но после того, как я ему отказала, он, должно быть, сообразил, что, обесчестив

меня, вынудит бабушку настаивать на свадьбе.

– И у него получилось?

– Я же сказала, он сообразил. У него ничего не вышло. Но он, конечно, попытался, ублюдок! Заставил свою марионетку шерифа как-то утром доставить меня к нему домой. И даже избавился от большинства слуг, отпустив их на целый день. Оставалась только полуглухая кухарка, которая не услышала бы моих криков. Я бы и не узнала, что она в доме, не сообщи мне Карл, что когда все будет кончено, я могу остаться на ленч и что еда скоро будет готова. Думаю, он в самом деле ожидал, что потом я буду спокойна и вежлива, словно обесчестить девушку было для него обычным делом. Но когда он повалил меня на диван, я сумела достать пистолет из кармана, так что он отскочил. Я даже ткнула пистолетом ему в брюхо, чтобы он понял, насколько все серьезно.

– Так ты в него стреляла?

– Нет, но клянусь, обязательно выстрелила бы. Оказалось, что мой брат Джонни заметил, что шериф тащит меня в дом Бингема, и проследил за нами. Подождал, пока уйдет шериф, и стал подсматривать в окна. Вот и увидел, что Карл пытался взять меня силой. Но в тот день никто не умер. Карл был еще жив, когда я уходила. И даже не я подстрелила его. Это брат выстрелил в открытое окно, пытаясь меня защитить. А Карл опустил глаза и увидел кровь. Ну и упал в обморок, как девчонка. Вот и подумал, что это я выстрелила в него. Я надеялась, что так и будет. Не хотела, чтобы брата арестовали за доброе дело. Поэтому сбежала, чтобы все свалили на меня.

– И это, очевидно, сработало, – заметил Диган.

– Да. Меня обвинили в том, что я ранила его в плечо. Обычная царапина, и крови почти не было. Я проверила перед уходом, боясь, что он истечет кровью, прежде чем его найдут. Хотела дать Карлу время остыть и опомниться, может, жениться на молодой женщине и простить меня за попытку защитить себя. Но он и его сын послали за мной погоню. Я несколько месяцев не могла оторваться от преследователей. Карл хорошо платит, когда очень сильно чего-то хочет. И его сыночек Эван не лучше отца. Но еще до конца года охотник за головами нашел меня и сунул под нос объявление о розыске за убийство.

– И как ты выпуталась из всего этого?

Но тут подошел официант с подносом, и она не ответила. Не могла отвести глаз от тарелок, на которых громоздились оладьи и сосиски. В корзинке лежали ломтики подсушенного ржаного хлеба и слоеные пирожки. Она была слишком голодна, чтобы тут же не приняться за еду, и жадно проглотила половину всего, что было на тарелке, прежде чем ответить:

– К тому времени у меня уже был револьвер, но охотник за головами заставил меня его отбросить. Пришлось убедить его, что он ошибся, и доказать, что я девушка.

– Так же, как доказала мне?

Она зарделась. Вспомнила, что прошлой ночью он случайно нащупал ее грудь, когда был готов ударить. И ей не пришлось ему показывать. Она заливалась краской каждый раз, когда думала об этом. О том, как пыталась его соблазнить. До чего же стыдно!

Она злобно уставилась на Дигана, но все же процедила:

– Нет. Я просто пофлиртовала с ним немного и сняла жилет, показав, что не пыталась его провести. Жилет! Не рубашку. Потом вежливо попросила его убраться из моего пристанища ко всем чертям. А когда уезжала, сделала все, чтобы он за мной не проследил.

– Снова врешь.

– К чему мне лгать насчет того, о чем я могла вообще умолчать?

– Охотник за головами не передумал бы, даже увидев, что ты девушка. Особенно потому, что твои портреты на объявлениях очень похожи.

Она задорно усмехнулась:

– Правда? По крайней мере на новых объявлениях. Вся история с охотником за головами произошла год назад, и портрет не был и вполовину так хорош. Там я

походила на зеленого восемнадцатилетнего юнца. Но даже увидев это объявление с обещанием награды, я не могла поверить, что Карл умер от той царапины.

– Иногда раны воспаляются.

– Да, знаю, но Карл наверняка вызвал лучших докторов города. Мертв он или жив, я не могу вернуться, потому что меня наверняка повесят.

– А пока развлекаешься ограблениями банков? – осведомился Диган.

– Дурацкая шутка, – проворчала она. – В тот день я собралась уезжать. Остановилась, чтобы взять свои деньги из банка. Все шестьдесят четыре доллара, которые заработала продажей мяса в городе. В Бингем-Хиллз только один банк, которым тоже владел Карл, а управлял Уилсон Кокс. Банк был настолько маленьким, что кроме Кокса других сотрудников не имелось, и если тот делал перерыв на ленч, некому было обслуживать клиентов. А он даже не трудился запирать двери. Возможно, полагал, что всем в городе хорошо известно: бесполезно идти туда в полдень. Но мне откуда было знать?! Я очень редко бывала в банке. Вошла и попросила выдать деньги. Но Уилсон отказался меня обслуживать. Мы поспорили, но он стоял на своем. Хотел заставить меня ждать полчаса, хотя сидел прямо перед ящиком с наличными!

– Поэтому ты ограбила банк.

– Ничего подобного. Просто вынула пистолет и сказала Уилсону, чтобы он прекратил жевать минуты на две и отдал мои деньги. Он сунул деньги в мешок и с раздраженным видом швырнул мне. Можно подумать, меня его упрямство не взбесило! Только через неделю, когда я полезла в мешок, нашла сто три доллара лишних. Он не мог просто протянуть мне деньги, и в спешке схватил мешок, где уже лежали чьи-то сто три доллара. Это он ошибся, думаю, просто хотел, чтобы я поскорее убралась, а он мог вернуться к ленчу.

– Эти деньги ты отказываешься тратить?

– Да, и когда-нибудь отдам все до последнего цента.

– Ты права, дурацкая история, если все так и было.

– Так и было. Почему же ты не смеешься?

Он не ответил. Очевидно, не поверил тому, что она только сейчас рассказала. Впрочем, если бы и ответил, какая разница? Он уже дал ясно понять, что решать ее судьбу – не его дело. Он просто передаст ее в руки закона, чтобы другие подумали, как с ней быть!

Он встал и взял шляпы:

– Пора ехать.

Она не пошевелилась. Вот оно. Офис шерифа всего в паре кварталов отсюда. Неужели Диган пристрелит ее при свидетелях, если она в последний раз попытается сбежать?

Глава 12

– Что бы ты там ни замыслила, малышка, даже не думай. Да, я всажу пулю тебе в ногу. И да, сделаю это прямо здесь, на случай, если ты гадаешь, посмею ли…

– Теперь ты еще и мысли читаешь? – буркнула Макс.

Он бросил деньги на стол и кивком показал на дверь:

– Сначала мы заедем ко мне в отель, так что веди себя как следует, чтобы мне не пришлось снова закидывать тебя на плечо.

Еще одна передышка?

Макс встала и пошла к двери, но, вспомнив, что ее в любую минуту могут бесцеремонно дернуть обратно, остановилась, чтобы подождать Дигана. И тут же столкнулась с ним, потому что он оказался прямо за спиной. И услышала его

раздраженный вздох. О господи, она опять вывела его из себя. Значит, это возможно?

Макс ухмыльнулась бы, если бы не мысль о том, что сегодня он бросит ее в тюрьму. Можно подумать, ей какая-то польза от того, что он тоже способен на какие-то чувства. Все равно они скоро расстанутся.

Он не дал ей вскочить в седло. Просто взял поводья коней и повел их и Макс по улице, где в этот час было уже полно народа, в основном, старатели, но и предприниматели тоже. По мостовой скакали ковбои. Перед лавками стояли повозки, развозившие товары, женщины с висевшими на руках корзинками покупали продукты. Оглядевшись, Макс заметила, что в отличие от Дигана не привлекает внимания. Люди украдкой посматривали на него. Макс посчитала это свойством человеческой натуры: опасность всегда притягивает взгляды.

Они прошли до следующего квартала. Он остановился у конюшни и заплатил за обеих лошадей, велев их расчесать и покормить. И хотя вряд ли это займет много времени, Макс все же посчитала остановку очередной проволочкой. И радовалась, пока не сообразила, что тюрьма, должно быть, уже совсем близко. Вряд ли она снова увидит Ноубла.

Макс в последний раз обняла мерина и прошептала извинения, на случай, если больше они никогда не встретятся. Им много пришлось вынести. Сколько раз он уносил ее от беды! Черт, она не хотела с ним прощаться.

– Как по-твоему, они позволят Ноублу отправиться вместе…

– Кому?

– Моему коню, – пояснила Макс.

– Красивое имя.

– Я дала ему эту кличку, чтобы ободрить[4 - Ноубл (англ. Noble) – благородный.].

И тут она добавила шепотом, чтобы Ноубл не услышал:

– В молодости он был немного неуклюжим… Они позволят ему идти со мной, даже если посадят меня в тесную клетку и повезут до самого Техаса?

Он молча отдал ей седельные сумки. Но остановился, чтобы посмотреть на нее, возможно, потому, что в голосе Макс звучали надежда и сожаление. И хотя она изо всех сил пыталась скрыть овладевшие ею эмоции, было ясно, что она испытывает в эту минуту.

Но взгляд Дигана был как всегда непроницаем.

– Полагаю, ты говоришь о транспортировке заключенных, – ответил он наконец. – Но тебя еще не осудили.

– В таком случае как меня повезут в Техас?

Он пожал плечами и закинул на плечо свои седельные сумки.

– Поездом, дилижансом или лошадью. Но тебя обязательно закуют в кандалы. Волнуешься?

– Да, я переживаю за свою спину. Она наверняка переломится во время долгого путешествия. В этих клетках нельзя стоять.

Он снова не ответил, ему было безразлично. Да и какое ему дело? Она для него всего лишь деньги. Притом большие. Сегодня она сделает его богатым, если он, конечно, еще небогат.

Его отель был напротив конюшни. Войдя, Макс словно оказалась в другом мире, в окружении бархатных диванов и кресел, резных столиков с дорогими вазами на них, огромных картин, сверкающих мраморных полов, зажженных люстр. Широко раскрыв глаза, она осматривалась, пока Диган не увлек ее к стойке портье. Она думала, что он разбогатеет, получив за нее награду, но разве бедный человек может позволить себе остановиться в таком элегантном отеле?

– Мистер Грант! – вежливо воскликнул портье. – Вам пришла телеграмма.

При этом портье, протянув Дигану клочок бумаги, с любопытством рассматривал Макс. Может, он видел объявления о розыске, расклеенные по городу? Или просто слишком тактичен, чтобы расспрашивать Дигана о неумытом ковбое, которого тот взял в спутники?

Макс стояла достаточно близко к Дигану, чтобы тоже прочесть телеграмму. Она была послана из детективного агентства Пинкертона, с просьбой встретиться завтра по конфиденциальному делу.

– Твой друг? – спросила она, постучав по бумаге.

– Нет. Возможно, связано с работой, которую я выполняю для маршала Хейза. Он упоминал, что детективы Пинкертона расследуют ограбления поездов, – пояснил он и почти раздраженно добавил: – Хейз не должен был говорить своему начальству, что я временно его замещаю. Похоже, он проболтался.

– А может, они думают, что ты стал… – ухмыльнулась Макс, но он так посмотрел на нее, что она осеклась и тихо признала: – Ладно, неудачная шутка. Кроме того, железные дороги перестанут работать, если ты начнешь грабить.

Его взгляд стал таким мрачным, что она поежилась:

– Я уже заткнулась.

Она удивилась, услышав, как он потребовал горячей воды в свой номер, но ничего не сказала. Говорить с ним настолько тяжело, что уж лучше промолчать. А она и без того слишком много наболтала. Вероятно, это нервное. Он и правда немного выводил ее из себя, но только потому, что она не могла его разгадать. Когда имеешь дело с другими людьми, можно понять, на что они способны. Диган Грант не перестает удивлять.

Но по пути в его номер Макс стала гадать, на что ему горячая вода. Он собирается принять ванну до того, как отправит ее в тюрьму? Но это очень странно. Или он так аккуратен? Собственно говоря, судя по его холеной внешности, он из тех, кто каждый день принимает ванну, независимо ни от чего, а тут пропустил день-другой, пока разыскивал ее в лесу. Поэтому не может ждать ни минуты, чтобы вымыться. Жаль, что он не сказал этого вслух, вот она бы посмеялась!

Когда-то она сама была такой… давным-давно. Теперь у нее не было такой роскоши, пришлось привыкнуть к грязи.

Но когда они подошли к комнате на втором этаже, ей расхотелось смеяться. Что, если он предложит потереть ему спину? Это будет означать, что она прикоснется к его жесткому, сильному, мускулистому телу. Она не может. Не может! И так ее совершенно вывел из равновесия тот момент в ресторане, когда пришлось прижаться к его телу своим. О чем он только думает, когда собирается принять ванну в ее присутствии?

Макс замерла, когда он открыл дверь. Вот оно, время бежать. Но он, словно прочитав мысли девушки, положил ладонь на ее поясницу, и подтолкнул вперед.

Прекрасный номер. Но такие отели Макс видела редко. Большая кровать с дорогим темно-красным парчовым покрывалом, два мягких стула с темно-розовой обивкой. Между ними низкий столик. У окна письменный стол, у стены – большой гардероб, на полу ковер с пышным ворсом. Если бы в комнате не было его саквояжа, она подумала бы, что Диган здесь впервые: в номере царила безупречная чистота.

Макс положила седельные сумки на пол и подошла к одному из окон. Оба выходили на улицу, и под ними не было крыши крыльца, на которую можно выпрыгнуть.

Дьявол!

Повернувшись, она увидела, что Диган снимает чистое белье с кровати, сворачивает в комок и выбрасывает в коридор. Когда он вернулся, она вскинула брови. Но он не собирался ничего объяснять. Зато оставил дверь открытой. Если он пройдет вглубь комнаты, она может попробовать ринуться к выходу.

Но тут принесли воду. Двое молодых людей занесли ведра в руках и вылили их в ванну за ширмой в углу. Как быстро здесь исполняют приказания!

Но они еще не закончили. Через несколько минут были принесены еще четыре ведра. Вероятно, берут воду на этом же этаже.

Одно ведро они оставили полным, очевидно, чтобы смывать мыльную пену, а потом спросили Дигана, нужно ли ему что-то еще. Он покачал головой и закрыл за ними двери, прежде чем подступить к Макс.

– Раздевайся!

– Ни за что, – прошипела она, скрестив руки на груди.

– Я не прошу. Я приказываю.

Ее сердце тревожно заколотилось, когда он отошел от двери. Он хочет, чтобы она помылась, а потом затащит в постель! Потому и снял белье, чтобы не осталось свидетельства ее…

Она в отчаянии метнулась к двери. Но его руки сомкнулись на ее талии, прежде чем она успела добежать до порога. Макс повернулась и стала колотить его, но упала на кровать, когда он легонько ее подтолкнул.

– Если не разденешься сама, я стащу с тебя одежду, так что выбирай.

Распахнув голубые глаза, она наблюдала, как он запирает дверь, снимает пиджак, аккуратно кладет на стул и шагает к кровати.

Глава 13

У Макс осталось несколько мгновений, чтобы решить, что делать… Надо было подавить нараставшую панику и хорошенько подумать. Диган, очевидно, хотел ее: почему не обернуть это в свою пользу и поторговаться с ним – девственность в обмен на ее свободу?

Она вскарабкалась на постель и переползла на другую сторону, чтобы дать себе еще несколько секунд. Можно ли сделать это, чтобы он не понял, как она боится? Но, по крайней мере, стоит попытаться.

Макс глубоко вздохнула.

– Я сама разденусь, – объявила она с кокетливой улыбкой и, согнув ногу в колене, принялась расстегивать рубашку.

Диган вопросительно поднял брови:

– Снова за свое?

Макс замерла, чувствуя, как горячо становится щекам. Ей было так стыдно, что она неверно истолковала его намерения, что даже слов не нашлось.

– Ванна для тебя, – продолжал он, словно не заметив ее унижения. – Можешь раздеться за ширмой.

И все это из-за ванны, о которой она мечтала? Но у него должна быть причина, и не та, которую она выдумала. И, как выяснилось, ошиблась.

– Почему ты хочешь, чтобы я вымылась? Боишься, что не получишь награду, если сдашь грязную преступницу?

– Ты смотрелась в зеркало? – только и спросил он.

Макс знала, какая она чумазая, но была полна решимости больше не краснеть. И упрямо вскинула подбородок.

– Я не стану мыться, пока ты в комнате.

Он стал обходить кровать. Она снова перекатилась на другую сторону и побежала к ширме в углу. И в очередной раз сжала зубы, когда он приказал:

– Швырни одежду сюда, пока сидишь в ванне.

Она рывком стащила сапоги, перегнулась через ширму и швырнула ему сапоги. Только один ударил ему в грудь. Но прежде чем снова нырнуть за ширму, она успела увидеть, как он нахмурился.

– Может, мне снова проверить, есть ли у тебя оружие?

– Нет! Ты не посмеешь!

Макс никогда еще не раздевалась так быстро, перебрасывая каждый предмет одежды через перегородку, даже штаны, носки и ремни. Она не даст ему предлога прийти сюда, проверить, все ли сделано по его приказу. Прошел целый год с тех пор, как она могла похвастаться тем, что принимала ванну. Она больше не будет скандалить с ним по этому поводу и даже поблагодарила бы, если бы не ненавидела так сильно. Собственно говоря, у нее не было причин ненавидеть его. Разве то, что он поймал ее и станет причиной ее смерти.

Рядом с маленькой ванной стоял короткий узкий столик с полотенцами и баночками с мягким мылом. Никаких грубых самодельных брусков в этом отеле.

Макс развернула полотенце, посмотреть, насколько оно велико, и фыркнула. Мягкое, но недостаточно большое, чтобы завернуться.

Она услышала, как закрылась дверь, а в замке повернулся ключ, и выглянула поверх ширмы. Он оставил ее одну в комнате!

Но, оглядевшись, Макс увидела, что он взял с собой все: их седельные сумки, ее одежду, даже свой саквояж, не оставив ничего. Ей даже нечем было прикрыться, если не считать полотенец! Но главное – не оставил ей ничего, из чего можно было сделать импровизированную веревку и спуститься по ней из окна. Теперь она поняла, почему он собрал и унес все постельное белье.

Принял все предосторожности, как уже делал раньше, и все же утверждает, что он не охотник за головами. Чертовски умен и готов к любой неожиданности. А она никак не может бежать по городу голая, даже если сумеет пробраться по карнизу к другому открытому окну. И при этом, вероятно, упадет и сломает себе шею.

Вздохнув, Макс села в ванну и с мечтательной улыбкой погрузилась в воду по шею. Бывали моменты, когда она все дни проводила в седле и неделями не могла найти уединенную речку или источник, чтобы искупаться. В холмах была пара прудов, спрятанных в зарослях, поэтому она каждые несколько дней ездила к большому озеру на востоке, мылась и стирала одежду. Но это вовсе не

было приятно, поскольку приходилось возвращаться в хижину вымокшей до нитки.

Она старательно вымылась с головы до ног, сознавая, что не помнит, когда в последний раз была такой чистой. А голова! Мыло, которое она таскала в седельной сумке, было таким грубым, что ужасно раздражало кожу головы, так что она давно перестала намыливать волосы. Но их не промоешь одной водой. Не то, что сейчас. Они уже почти высохли и при малейшем движении разлетались во все стороны. Макс даже встала, чтобы посмотреть на это в овальное зеркальце над туалетным столиком. И засмеялась. Макс немного подобрела к Дигану, получив от него такой подарок. Совсем чуть-чуть… Может, просто слегка успокоилась, хотя настороженность все еще оставалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Паломино – масть лошадей золотисто-рыжего окраса со светлыми гривами и хвостами. – Здесь и далее примеч. ред.

2

Ландо – легкая четырехместная повозка со складывающейся вперед и назад крышей.

3

Здесь: начальник полицейского участка.

4

Ноубл (англ. Noble) – благородный.

Купить: https://tellnovel.com/dzhoanna-lindsey/cvetok-v-ego-rukah

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити